

Мы платим железом

Автор:

Александр Мазин

Мы платим железом

Александр Владимирович Мазин

Викинг #8

Они – те, кто платит железом, а не серебром. Те, кто берет то, что желает. Даже то, что удержать не по силам. И расплачиваются за ошибки они тоже железом. Сталью мечей и собственной кровью, если враг сильнее. Им привычно, когда смерть дышит в затылок.

И что друзья – всегда рядом. Пока они живы. Потому что они – хирд. Боевая дружина тех, кто добыл себе право идти по узкому мосту между жизнью и смертью, между Мидгардом и Вальхаллой. Те, кто платит железом не потому, что у них нет серебра, а потому что они – викинги.

Александр Мазин

Мы платим железом

Глава 1

Замковый остров. Сvei идут!

Они пришли за три недели до Йоля. Аккурат с началом календарной зимы. Пришли, чтобы нас уничтожить.

Нельзя сказать, что я их не ждал. Ждать неприятностей от соседей – это нормально для любого ярла. Тем более – такого, как я. То есть получившего землю и подданных не в наследство или в подарок, а заплатившего за ярлство, как здесь говорят, железную цену. То есть волшебной силой оружия превратившего чужое в свое. Собственно, всё, что было у меня, Ульфа Хвити, которого не так давно звали Ульфом Черноголовым, а еще раньше, в прошлой, считай, жизни – Николаем Григорьевичем Переляком, всё, что я нажил и чего достиг, всё это я добыл с помощью доброго клинка франкской работы по имени Вдоводел. Ну и благодаря моему умению им пользоваться. Хотя и возможности моего интеллекта отрицать не стану. Того самого, который нынче дал сбой и уверил меня, что в ближайшее время опасности не предвидится. Враг придет, это понятно. Не тот человек шведский король, а по здешнему – свейский конунг Бьёрн, чтобы еще разок не попытаться вернуть кирьяльскую провинцию. Конечно, свеи придут. Потом. Когда-нибудь. Весной. И не ранней, а ближе к лету. Когда сойдет лед, дороги подсохнут и откроется новый сезон морских и сухопутных походов.

Но уж точно не в канун Зимнего Солнцеворота, когда мои скандинавские соратники и вся прочая общественность активно готовятся к грядущему празднику, радуются хорошему и мечтают о лучшем. Радовался жизни и я, их ярл по законному праву. Ну да, разве право силы – это не главный здешний закон? Охота, подводная рыбалка, мужские игры на свежем воздухе...

Что еще надо человеку, чтобы чувствовать величие бытия?

Любимая женщина? Так у меня их имелось сразу две, причем одна, юная и пылкая, – непосредственно под боком.

Верные друзья? Да у меня, считай, целый хирд верных друзей!

Благосостояние? Ну так я оч-чень богатенький буратина по здешним меркам.

Короче, у меня было всё, что требовалось для счастья. И я был счастлив ровно до того момента, когда мой дренг Тулб Огонек не открыл предо мной нерадужную перспективу:

– Свечи идут!

Ворвавшийся среди ночи в мой закуток молодой варяг был настолько возбужден, что даже на прелести Зари свет Труворовны не глянул.

– Сколько? Как далеко? – Я уже был на ногах и искал глазами портки. О, нашел!

– Много! В трех переходах!

Рубаха, штаны меховые (чай, не лето), носки, сапожки...

– Кто весть принес?

– Артельщики кирьяльские! Со всех ног бежали!

Могу поверить. С кирьялами у меня дружба, переходящая в восхищение. Дани я с них не беру. Всё честно покупаю, пусть и по сильно заниженным ценам. И товарами нужными снабжаю. По ценам сильно завышенным. Но это если считать по свободно-рыночным меркам. А поскольку до ближайшего свободного рынка – километров двести, да и там обобрать неопытного человека могут ну совершенно запросто, то получается, что цены мои – очень даже справедливые. И демократичные. Даже самый дикий лесовик получает топор по той же цене, что и житель поселка. Три пачки элитных шкур – и топор твой. Ну да, где-нибудь в Европе за каждую из шкур дадут дюжину таких топоров, но у нас же не Европа, верно?

Зато я их не граблю. И девок кирьяльских не порчу. Ни я, ни люди мои. А если по взаимному согласию, так это ведь совсем другое дело. И в этом мое существенное преимущество перед сваями, которые и грабят, и насилуют, и живьем жгут, если решат преподать урок покорности. И перспектива получить подобный урок превращает кирьяльских лесовиков в моих преданных союзников. Что очень кстати, учитывая мой малочисленный гарнизон.

– Поднимай наших, – скомандовал я Тулбу. – Всех. И сюда, ко мне. И успокойся. Мы свеев били, бьем и будем бить!

Только так. Командир должен вселять уверенность в сердца подчиненных. Даже если у самого ее нет.

Уверенности нет. Но есть надежда. Что-то мне подсказывает, что сейчас именно тот момент, когда пушистый пипка уже дышит в затылок. Следовательно, вероятность благорасположения госпожи Удачи максимальная.

После того как Свартхёвди Медвежонок отплыл домой, в моем распоряжении осталась весьма скромная команда. Если бы не перешедшие ко мне бойцы из бывшего хирда Ульфхама Трески, ситуация была бы вообще грустной. Даже приличный строй не собрать.

Но с этой шестеркой стало повеселее. Трое – дренги из разных областей Скандинавии: рыжий Мёрд Красная Шапочка, Лут Ручища и Сёльви Краденая Лепешка. Все с неплохой начальной подготовкой и перспективой вырасти в настоящих бойцов. Если выживут, понятное дело. Остальные из тех, что уже выросли. Ко мне присоединились трое матерых вояк, каждый из которых украсил бы хирд любого успешного конунга. Так что я был польщен тем, что эта тройка выбрала меня.

Первым из них был мой старый знакомец Витмид, переметнувшийся еще до того, как Заря развалила голову его непосредственному начальству.

Вторым – хитромудрый, чернявый, как и я, дан Вифиль по прозвищу Прощай. Была, как мне сказали, у него такая привычка: напутствовать этим словом своих оппонентов перед тем, как прикончить.

А третьим, к моему немалому удивлению, оказался Оспак Парус.

У меня были сомнения – стоит ли вообще его брать? Опасался, что лучший друг убитого Трески хочет отомстить за его смерть, потому ко мне и просится. Но Медвежонок убедил меня, что всё чисто. Оспак еще простодушней моего давнего друга здоровяка Стюрмира. Ульфхам шел за Рюриком-Хрёреком, Оспак шел за Ульфхамом. А теперь он – мой.

– Не сомневайся, брат! Парус теперь наш! – заверил меня Свартхёвди.

Мнению моего побратима я доверял. И Оспак стал нашим. Завидное приобретение. В бою Оспак стоил минимум двоих. И места в строю занимал столько же.

Медвежонок хотел забрать Оспака с собой, но я воспротивился. Хватит того, что он увел от меня всех варяжат, исключая Тулба Огонька, прикипевшего к Буре. Варяжата, кстати, переметнулись ко мне прямо из-под крыла Трувора.

И он это принял. Знал, что должен. Ведь именно на него Ульфхам намеревался свалить убийство меня и его дочери. План Трески провалился – и Трувор сохранил честь. И жизнь, потому что Медвежонок в запале его бы точно прикончил. Жнец, конечно, крут, но последствие дряни, которую ему подсыпал в пиво Ульфхам, сделало его никудышным бойцом минимум на сутки...

В общем, мы с Трувором не то чтобы помирились, но отношения стали скорее нейтральными. Более того, он фактически дал добро на наш будущий брак с Зарей. И она осталась со мной. Но скорее всего просто потому, что у Трувора не было физической возможности забрать ее с собой. После устроенного Ульфхамом покушения среди воинов Рюрика, посланных по мою душу, царил полный раздрай. И даже у собственных бойцов он не нашел бы поддержки. Да какая поддержка! Трувор Перуном клялся, что ни мне, ни кому-либо из моих не причинят вреда, если я впущу их в крепость. И вот тебе, дедушка, сковородкой по щам!

В целом очень удачно получилось. Не думаю, что Рюрик еще раз попробует меня прищучить. Ну и хорошо. Мне, собственно, и свеев более чем достаточно для остроты ощущений. Вот что им до весны не сиделось!

Глава 2,

в которой становится понятно, что расклад не просто хреновый, а намного хуже

– Надо уходить!

Эту невеселую мысль первым высказал Витмид.

Мол, шансов у нас никаких. Совсем. Да и умирать особо не за что. Дикий край. Дикие земли. Добро бы – тыща гектар плодородной пашни, тогда другое дело. А тут... Эдаких чащоб на здешней земле больше, чем воды в море.

Мы собрались в большом зале длинного дома, способного вместить две сотни пирующих. Здесь особенно хорошо было видно, как нас мало.

Плодородные пашни... Ну-ну. Мне их тоже когда-то предлагали. Ивар Бескостный. Причем вместе с работниками. Правда, не сразу, а в перспективе. Не очень отдаленной. Сразу после завоевания Англии. Может, и впрямь ну ее на фиг, эту Кирьяльщину? Когда еще она станет частью Ленинградской области? Опять-таки по-английски я говорю значительно лучше, чем по-кирьяльски.

«Уходить!» – настаивал Витмид. Никто не возражал. Мои хускарлы: Гуннар Гагара, Стюрмир, Бури, Оспак Парус, Виги-Вихорёк, Тьёдар Певец, Кёль Длинный, братья Крумисоны, Витмид и Вифиль Прощай, – молча глядели на меня. Так же, как и присутствующие здесь Заря и отец Бернар. Никто не спешил оспаривать предложение Витмида, даже мой сын Вихорёк.

Две сотни свеев. Полный хирд, причем большой хирд. Этого хватит на команды для четырех драккаров. Полностью укомплектованные команды.

Две сотни свеев, а нас и двух десятков не наберется.

Поэтому мы должны уйти в изгнание, в заснеженные зимние леса, ночевать в сырых землянках и питаться всякой дрянью, в то время как победители будут наслаждаться теплом и уютом, пить наше пиво, лопать наши припасы и валять на наших постелях наших женщин... Очень, очень не хочется такого исхода. Да, эта мысль отчетливо читалась в глазах моих людей. Однако какая альтернатива? Стать кормом для воронов?

Что бы сказал сейчас мой брат Медвежонок?

Да он, собственно, уже высказался по данному поводу. Лучше умереть ярлом, чем сдохнуть бродягой. У меня другое мнение. Я предпочту ярлом – жить. И на этой горке для меня свет клином не сошелся. Потому в тот, прошлый раз, я сумел его переубедить. Но тогда судоходство еще не закрылось, и мы могли уйти на кораблях, прихватив большую часть добычи. Сейчас же «Северный

Змей», законсервированный на зиму, ждёт в уютном сарае следующего сезона... И если мы свалим, то он тоже достанется победителям.

Мой драккар! Свеям! Не хочу! Не позволю!

Однако две сотни – это две сотни. Они вынесут нас из крепости вместе со стенами, если потребуется. Ну вот же... ситуация!

А я так надеялся, что до весны нас никто не тронет! А весной подтянется Медвежонок с командой, может, и наш новый союзник Ольбард Синеус тоже подкинет людей...

Я надеялся.

Не сбылось.

– Они нас не оставят, – затянувшееся молчание нарушил Кёль Длинный. – Если мы уйдем отсюда, они будут нас искать, пока не найдут, ярл! – мрачно заявил он.

Черт! А ведь он прав, этот двухметровый сутулый похититель чужих невест. Мы очень сильно обидели их конунга. И заняв крепость, они точно не успокоятся. Начнут прочесывать леса сами и при помощи кирьялов, которые пока что за нас, но когда мы сбежим, вряд ли станут противодействовать своим прежним хозяевам, зная, как те жестоки к непокорным.

Бодрости реплика Длинного нам не прибавила.

Перспектива зимовать в лесу сама по себе не радует, а если тебя при этом будут гонять, как лису охотничья свора...

И на две сотни кэмэ вокруг никого, кто мог бы предоставить нам кров, не говоря уже о силовой поддержке. В общем, засада.

Я посмотрел на Бури. Азиат, пожалуй, самый уважаемый мною человек в нашей команде.

Бури спокойно выдержал мой взгляд. Потом достал из сумки полоску вяленого мяса и принялся не спеша жевать. Демонстративно. И все перестали глядеть на меня как на волшебника, который должен достать из шляпы наше спасение. Все уставились на плосковатую смуглую физиономию снайпера-стрелка. А тот прожевал не спеша, обтер ладони о штаны и произнес негромко, ни к кому вроде бы не обращаясь:

– Две сотни, значит... Семь-восемь колчанов... Так, Виги?

Мой приемный сын буквально расцвел.

Новые правила счета так и сияли в его глазах. Не двести вражеских воинов, а двести метких выстрелов. Он на тренировке делает больше.

Правда, остальные хускарлы его оптимизма не разделяли, однако и они взбодрились. После реплики Длинного стало ясно: никуда мы не побежим. Потому что догонят. Значит, придется драться. Смерть в бою – это лучше, чем умереть затравленной лисой. В Валхаллу берут воинов, а не зайцев.

Но драться без шанса на победу... Как-то не очень.

Бури молодец. Напомнил: шанс есть всегда. Не в первый раз мне принимать бой при таком скверном раскладе. И я всё еще жив. И, как уже не раз отмечено, удачлив. Причем удача моя такого сорта, что подключается только при самом скверном обороте событий. Вернее, до сих пор было так, а что в будущем – неизвестно.

Однако пассивно ждать, пока нагрянут враги, и мужественно взойти на крепостные стены – не мой вариант. Госпожа Удача приходит к тем, кто не стоит на месте. Так что ждать мы не будем. Будем действовать. Предложим что-нибудь остренькое нашим незванным гостям. Что-нибудь вроде стрелы в горлышко.

Но для начала поговорим с очевидцами.

– Виги, позови-ка сюда кирьялов, что принесли весть.

К сожалению, ничего позитивного кирьяльские охотники не сообщили. Наткнулись они на свеев случайно, однако заметили вовремя, потому что те, собственно, и не скрывались, шли без опаски. Шли на лыжах и волокли с собой санки с припасами. Вооружены справно. Мечи у многих, если не у всех, меч же – характерный признак воина-профессионала.

Развеяли кирьялы и мою надежду на то, что у страха глаза велики. «Две сотни» возникли не с потолка. Охотники не поленились: посчитали рейдеров. В палочках. Две длинных, две средних и одна короткая. Двести двадцать один боец. Шли свеи без спешки, но и не медлили. Охотники прикинули их скорость, сопоставили с собственной и с пройденным расстоянием и сделали вывод, что опередили врагов примерно на трое суток. Я, однако, полагал, что можно смело прибавить еще день, потому что на подходе свеи наверняка притормозят: озаботятся разведкой.

А наша задача – притормозить их еще больше. И превратить беспечную прогулку по зимнему лесу в нечто совсем противоположное.

Кирьялов я наградил и отослал, предупредив, чтоб не уходили и не напивались. Они мне еще понадобятся.

Затем собрал свой хирд уже целиком, включая весян, которых за последние месяцы Бури удалось прилично подтянуть в стрелковом искусстве.

– Что к нам идут свеи, вы уже знаете, – сообщил я рассевавшемуся на лавках хирду. – Их много, и мне это не нравится. Потому я хочу сделать так, чтобы часть из них до нас не дошла. Для этого нам понадобится человек пять лучших стрелков и два-три хускарла в прикрытии. Обязательное условие: все должны отменно ходить на лыжах. Бури, твое слово!

– Стрелки: Виги, Огонек, Лосенок, Комар, Сорока! – не колеблясь выбрал Бури.

Себя он в список не включил, поскольку лыжник из него еще хуже, чем из меня.

– Я тоже на лыжах хорошо бегаю! – немедленно заявила Заря, но я ее возглас проигнорировал.

В Вихорьке и Тулбе я не сомневался, а вот трое весян...

Лосенок и Комар – братья. Их Бури выделил с самого начала. А вот Сорока... Нет, хоть он и Сорока, но смотрит соколом. Польщен, что наставник определил его в лучшие.

– Добро. С ними пойдут Гуннар, Оспак и Сёльви. Старшим – Гуннар.

Эх, как хотелось самому... Но здесь я со своим тамошним лыжным разрядом – натуральный тормоз.

– Заставьте их понервничать. Убейте, сколько сможете, но при этом – зря не рисковать. И еще: Гуннар, будет славно, если они останутся без припасов.

Зима на дворе. И в лесу – тоже. Охотиться зимой труднее, а вот кушать надо хорошо. Потому что холодно.

– Постарайтесь вернуться в том же составе, что и ушли.

Всё.

Вопросов никто не задавал. Новоиспеченные рейнджеры отправились собираться, а я подозвал Повторюху, дренга из весян, и велел смотаться в селение и привести сюда старосту из поселка. Пора выяснить, могу ли я рассчитывать на серьезную поддержку местного населения. Склонен думать, что при желании аборигены способны выставить нам в поддержку не меньше чем полтысячи ополченцев. Понятно, что бросать их в рукопашную на свеев – всё равно что кусок мяса отправить в мясорубку. Даже дистанционно они вряд ли нанесут значимый ущерб бронированным хирдманам. Но летучие партизанские отряды могут изрядно снизить свеям уровень комфорта.

Староста примчался задолго до полудня. Он уже был в курсе главной новости и здорово переживал.

В прошлый раз свеи обошлись с ними беспощадно. Едва сойдя на берег, тут же принялись хватать и вязать. Собственно лишь благодаря своей торопливости

староста и выжил. И он, и большая часть его родовичей. Даже скот в лес угнать успели, пока свеи грабили дома побогаче и сторожевой пост. К сожалению, грабежом свеи не ограничились. Сожгли несколько домов. Но и это ладно. Но то, как они обошлись с пленными...

Через день после того как Ульфхам Треска едва нас не убил, я оставил гостей и сплавал к селению.

И так вышло, что опередил спасшихся кирьялов. Они появились позже, когда мы уже собрали убитых. Собрали по частям и начали обкладывать дровами.

В общем, на тризне, которую справляли вечером, я попросил Трувора уступить мне единственного уцелевшего свейского хольда. Жнец как-то почувствовал, что для меня это важно, – и отдал мне священный поединок.

– Зачем? – спросил я его перед тем, как убить.

– Когда овца отказывается давать шерсть, с нее сдирают шкуру, – ответил свей. Белокурый красавец с мужественным профилем. Он почти не пострадал в бою. Сначала шлем сорвало, потом прилетело чем-то тупым по затылку.

Меня он всерьез не воспринял. Браслеты я снял, цепь тоже. И никто не сказал ему, что я и есть тот самый ярл, который захватил их территорию.

– Они-то при чем? – спросил я.

– Забыли, кто их хозяин. Теперь запомнят. Жаль, много их сбежало.

– А вот ты не сбежишь, – пообещал я. – Ты получишь то же, что и они, а потом отправишься прямиком к Хель, а мясо твоё сожрут раки.

– Я умру в бою! И уж точно не от твоей руки, мелкий! – самонадеянно заявил хольд. – Хорошо, что вы, вору из Гардарики, такие дураки. Попадись ты мне в руки, ты умирал бы долго!

– Вообще-то я не из Гардарики, – сказал я. – Я из Сёлунда. Я бы отрубил тебе большие пальцы, чтобы те, кто пирует в чертогах Одина, знали, что ты не достоин зваться свободным человеком. Но думаю, что быть рабом в Валхалле все же лучше, чем в Хельхейме.

– Твоя болтовня утомляет, мелкий, – заявил свей и атаковал. Но дрался он плохо. Для хольда. Наверное, после удара по голове он был не в лучшей форме. Мне было не трудно выполнить свое обещание. Я не стал сдирать с него кожу. Я не умею, да и противно мне делать такое. Но я отрубил ему руки и ступни, а потом схватил за шкурку и утопил в заливе. Труп утопил, потому что он истек кровью раньше, чем захлебнулся.

По правилам свей должен был лечь в ногах уходящих в Ирий варягов, но Трувор не стал меня упрекать. По-моему, он сделал из моего поступка какие-то собственные выводы и, похоже, уважения ко мне у него прибавилось. И не только у него.

К зиме поселок отстроился и выглядел даже лучше, чем прежде. Убитых, понятно, не воскресишь, но жизнь продолжалась, и ко мне хитрован староста относился теперь прям как к отцу родному.

А я-то в свое время раздумывал, как бы его к нам привязать: силой, хитростью, подкупом... И вот.

– Будь зрав, Сохрой! – поприветствовал я старосту.

Тот в ответ одарил меня земным поклоном:

– И тебе здравствовать, господин!

По-скандинавски староста болтал свободно.

Мы сели за стол. Я вел себя демократично, но староста сам держал дистанцию. И первым делом поинтересовался, какие у нас планы в связи с надвигающейся бедой.

– Мы не уйдем, – веско ответил я. – Это не первые свеи, которых мы будем бить. И не последние, к сожалению.

– А сможете? – всё-таки усомнился староста. – Их намного больше, как мне сказывали.

– Мы будем драться.

Староста покивал, отпил предложенного пива, а потом сам перешел к вопросу, ради которого я его и позвал:

– Мы с тобой, ярл. Чем можем помочь?

– Ты говоришь только от своей родни или от всех кирьяльских родов? – уточнил я.

– Я говорю голосом всех кирьялов ближних вод! – торжественно произнес староста. – Чем мы можем помочь? Скажи, ярл, и мы все сделаем!

Глава 3

Бей и беги!

– Сильные воины, – отметил Оспак, разглядывая свейский лагерь. – И много.

– Много – это хорошо, – отозвался Вихорёк. – Проще цели выбирать.

– Помолчите оба, – велел Гуннар.

Он думал.

Свеев они обнаружили незадолго до темноты. Ну как обнаружили... Те особо не прятались. Разбили лагерь, разожгли костры. Приняли, конечно, меры, чтоб дым рассеивался, а не поднимался над деревьями, однако двести человек не

спрячешь. Видно и слышно издалека.

И стражу свеи держали не очень старательно. Гуннар заметил троих внизу и двоих, в секретах, – на деревьях. Последних – потому что внизу на снегу остались следы, которые никто не потрудился как следует замести.

Пусть сидят. Гуннар и не собирался ничего делать, пока светло. Сейчас главное понять, что, кто и где. Вот эти сани в центре наверняка с провизией, поскольку к ним наведываются те, кто куховарит. А вот на этих, упакованных особенно тщательно, скорее всего, оружие. А этот шатер посреди лагеря, надо думать, принадлежит старшему. Ярлу небось. Обычный вождь не стал бы тащить с собой этакий шатрище. Вернее, заставлять своих людей его тащить, поскольку ни лошадей, ни собак, ни оленей что-то не видно, а любитель уюта вряд ли тащит шатер сам.

Гуннар мрачно ухмыльнулся. Он не любил родовитых. Спесивых, надменных, полагающих, что они по праву рождения могут поплевывать сверху на таких, как он, Гуннар.

Хотя как знать, если ярлу не изменит удача, то и Гуннаровы сыновья тоже будут расти в холе. А уж он, Гуннар, постарается, чтобы они поняли, что настоящее богатство и славу берут мечом, а не по праву рождения.

– Расстояние хорошее, выцелишь? – спросил норег у Вихорька.

– Для меня и Тулба – да, а Комару и Сороке – лучше поближе. У них луки слабее, – добавил он, чтоб не подумали, что он хочет обидеть весян.

– А вот оттуда? – Гуннар показал на засыпанные снегом кусты шагов на полсотни ближе к лагерю.

– Оттуда хорошо, – согласился Вихорёк. – Но-чью, да?

– Соображаешь, – одобрил Гуннар. – Оспак, что скажешь?

– Хорошо бы сани поджечь, Гагара, – сказал дан. – У них там бочонок с жиром вроде. Я бы взялся. Если вот с той стороны, то можно тихо зайти. Я бы взялся

запалить, если они костры на ночь не потушат.

– Вдвоем сделаем. – Гуннару мысль понравилась. – Расспросим кирьялов, что тут вокруг и куда бежать, если что. Снегопада не ожидается, так что проследить нас – как яйца почесать. А потом пожрем и спать. До срока.

– А эти не учуют? – озаботился Оспак.

– Разве что ты захочешь горячего, – усмехнулся Гуннар.

Впервые с начала этого похода у него было хорошее настроение. Не думал он, что свеи окажутся такими беспечными. Понятно, что против них здесь равной силы нет, но всё же не к родне на хутор идут – воевать. И что это значит?

Гуннар был далеко не дурак. Дураки не выживают там, где он выжил. А еще у него был изрядный опыт. Побольше, чем у того же Оспака, за которого всё время решал кто-то другой. И этот опыт подсказывал норегу: раз свеи идут, как охотники по тюленьему лежбищу, то не знают, на что способен Ульф-ярл и его люди. И они заплатят за свою наглость.

Снег – это хорошо. Гуннар любил снег. Он родился зимой. И снег был первым, что он увидел, когда родился. Правда, сам он этого не помнил. Но и его первым воспоминанием тоже был снег. Какой он мягкий и как приятно щиплет ладошку.

Гуннар оглянулся. Для этого ему пришлось немного привстать.

Белый, время от времени смещающийся бугор позади – укрытый накидкой Оспак. Он ползет по снегу совсем неплохо для дана.

Немного в стороне и подальше – Виги. Дерзкий мальчишка. Гуннар ухмыльнулся. Виги ему нравился. Он всем хускарлам по нраву. Это ж какую удачу иметь надо, чтобы трелю-пастушку сыном ярла стать! И в бою такой счастливчик лишним не будет точно. И надежный он. Из тех, что один на пятерых бросится, чтобы друга защитить. Даже такого старого зверюгу, как он, Гуннар. Нет, хорошо, что ярл доверил ему своего сына. Да еще такого, которому и сам Гуннар может довериться.

А вот лесовики... Всё, на что можно надеяться, – что не побегут раньше времени. Для этого с ними Сёльви Краденая Лепёшка. Вот не повезло молодому с прозвищем. Теперь придется показать себя героем, чтобы заполучить новое, получше.

Но Сёльви храбр, он настоящий дренг. Так что за весьянами приглядит. Сбежать не даст и прикроет, если понадобится.

Четвертого стрелка, Тулба, Гуннар со своего места не видел. Но в нем норег тоже не сомневается. Тулб, как и сам Гуннар, рожден для войны, а не для мира.

Норег осторожно двинулся дальше. Ползти по снегу легко. Он мог бы намного быстрее. Но нельзя. Дозорные свеев расположились толково, в тени, спинами к костру. Могут заметить движение. Поэтому двигались плавно, неторопливо, каждое движение – отдельно. Так рысь подкрадывается к добыче. Чтобы достать и убить наверняка.

Однако Гуннару с Оспаком убивать дозорных самим не понадобится. Как только норег окажется в одном броске от цели, Вихорёк выстрелит. И Тулб, который укрылся с другой стороны лагеря, выстрелит тоже. В своего дозорного.

А потом они покажут свеям, чем война отличается от охоты на тюленей.

Гуннар всё очень хорошо продумал.

И убедился, что его бойцы знают, что им делать.

Если всё пойдет как задумано.

Но поскольку в бою редко всё получается как задумано, то и на этот случай Гуннар подробно растолковал бойцам, что делать каждому, если что-то пойдет не так.

Гуннар знал, как огорчается ярл, если кто-то из своих отправляется в Валхаллу, а норег огорчать ярла не будет. Постарается привести обратно всех, даже пугливых лесовиков.

Впрочем, страх – тоже неплохо. Тем более эти трое пока что не настоящие воины. Без опаски пропадут. Однако убивать они уже умеют. Поэтому всё, что требуется от Гуннара, – это придумать для них подходящее место в предстоящей схватке. Такое, чтобы они могли убивать, а их – нет.

Гуннар слышал, как сзади передвигается дан. Гуннар знал, как и кого слушать. Дозорные не слышали ничего. И один из них, тот, что поближе, кажется, дремал.

Нет, зима – это хорошо. Холод усыпляет. Так сладко спать на постели из лапника, завернувшись в меховое одеяло и повернувшись так, чтобы тепло костра грело лицо. А вот вскочить по тревоге за пару ударов сердца зимой намного труднее, чем летом. Практически невозможно.

Звук попавшей в цель стрелы будто подбросил Гуннара. Белая накидка упала на снег (норег запомнил, куда именно), а сам он стремглав бросился к шатру и сильным толчком, с разбега, опрокинул его.

Внутри заорали, задрогались, пытаются выбраться из-под тяжелой ткани. Гуннар ударил мечом туда, где ворочалось живое. Ударил дважды, наугад, потом бросился на свеев, которые спали снаружи, и зарубил еще двоих. Затем подхватил чей-то щит, зачерпнул им углей из костра, подбежал к ближайшим саням, разрубил укрывающую их ткань и щедро сыпанул углей в нутро. А остатки метнул в лицо подскочившего свея. Тот отшатнулся и заорал. Второго свея, вознамерившегося убить Гуннара, зарубил возникший у свея за спиной Оспак. Следующим движением дан метнул кувшин. Туда, куда Гуннар отправил угли.

– Масло! – крикнул он радостно.

Вокруг саней, которые поджег Оспак, суетились свеи, пытаются сбить пламя. Вот только вряд ли это у них получится. Огонь уже набрал силу. Вот-вот перекинется на вторые сани. Гуннар увидел, как свей, попытавшийся их отволочь, упал со стрелой в спине. А потом еще один получил стрелу в голову и рухнул прямо в огонь.

– Бежим! – крикнул Гуннар и бросился наутек, попутно подрубив ногу еще одному свею и вырвав у него из рук щит. Щит норег тут же забросил на спину, левой рукой, на бегу, подхватил сброшенную перед атакой накидку.

Быстрее, быстрее...

Гуннар слышал, как позади, понемногу отставая, топочет Оспак.

Гуннару было немного стыдно, что его радует то, что Оспак отстает и что дан такой большой. Когда в них начнут метать копья, первые достанутся дану.

Гуннар хорошо относился к Оспаку, но к себе самому он относился еще лучше. Ему нельзя умирать раньше, чем он увидит своего новорожденного сына. Гуннар был последним в роду и очень надеялся, что сына он увидит.

Копья полетели в них, когда норег уже добежал до чащи, обернулся и разом оценил происходящее.

Оспак отстал ненамного, шагов на тридцать. Десятка полтора свеев, бросившихся за ними в погоню, были примерно на таком же расстоянии от Оспака. Кое-кто из них уже метнул копья, но они поторопились, и ни одно не попало в цель. Самые прыткие из свеев бежали явно быстрее Оспака, хотя тот спешил изо всех сил.

Ну да, дан слишком тяжел, чтобы быстро бегать. К тому же он в броне и с оружием, а свеи мчались налегке, без брони. Вдобавок двое из них бежали по уже утопанному Гуннаром и даном снегу.

А в свейском лагере всё обстояло как нельзя лучше. Подожженные сани пылали двумя веселыми кострами. Потушить их уже не пытались. Там по-прежнему царил беспорядок. Никто не пытался организовать правильную погоню. Кроме тех, кто сейчас преследовал Оспака.

Но догнать дана свеям было не суждено. Гуннар тщательно всё продумал и знал, куда посадить весян.

– Бей! – закричал Гуннар, перекрывая шум и вопли, доносившиеся из лагеря, и азартные крики гнавшихся за ними свеев.

Как верно заметил Виги, луки у весян были послабее, чем у них с Тулбом. Но по меркам Севера, это были очень хорошие луки. И с пятидесяти шагов посланные

ими стрелы разили неплохо. Самых прытких свеев уложило одним залпом. Второй, направленный на тех, кто подальше, был не так удачен, а остальные стрелы и вовсе пропали впустую, потому что свеи показали себя хорошими воинами, в считанные мгновения собрав строй и развернув его в нужную сторону – туда, где укрылись весяне.

Дальше эти свеи не сунутся. Сразу. Они сообразили, что в лесу могут прятаться и другие враги. Гуннар хорошо их понимал, поскольку на их месте тоже опасался бы засады, которую норег непременно бы устроил, будь у него больше людей.

Но тогда бы весяне не начали стрелять, останавливая погоню. Тогда бы он подождал еще немного, пока охваченные азартом свеи окажутся как можно ближе к лесу и дальше от возможной подмоги, а потом ударил бы внезапно и убил их всех.

Но для отряда из восьми бойцов они и так потрудились на славу. Хотелось бы, конечно, узнать, удалось ли завалить любящего удобства свейского вождя.

И норег узнает. Со временем. А пока – всё по плану.

Тяжело дышащий Оспак уже пристраивал к ногам лыжи. Гуннар последовал его примеру, потом накинул на плечи и голову накидку, завязал шнурок...

И они затерялись в ночном лесу. Сёльви Лепешка и весяне ушли, лишь немного их опередив. В том, что Виги и Тулб тоже ушли, Гуннар не сомневался. Этой ночью удача, определенно, была с ними.

Глава 4

Огонь и железо

У меня было мало воинов, зато целая прорва ополченцев. И я их задействовал в полной мере. Одни занимались доставкой припасов в крепость, другие старательно превращали склоны в ледяной каток. Третьи...

Для третьих у меня было особенное задание. Но сначала надо опробовать мою оборонительную идею.

– Ха!

Деревянная колода, еще недавно заполненная медом, взмыла вверх и, описав красивую дугу, треснулась оземь, разбрызгав в разные стороны растопленный жир.

Мастер метания тяжестей Стюрмир, как всегда, оказался на высоте. Куда целил, туда и попал.

И тут же вслед за ней ушли три горящие стрелы, посланные кирьяльскими охотниками. Одна – мимо, зато две другие упали на орошенный жиром лед. Загорелся, однако. Не бензин, конечно, но худо-бедно занялось.

– Ха!

И Вифиль показал, что он тоже умеет швырять предметы. Вторая отметка, располагавшаяся, правда, метров не десять поближе, была поражена. Подожженные от факела стрелы ушли в цель, и на льду образовалась еще одна коптящая огненная лужа.

Мои живые «метательные машины» не подвели. Это радовало. Так же как и то, что горючих материалов у меня полно. Ворвань, смола и даже льняное масло. От таких подарков не спасет ни одна кольчуга, а вылить на голову врагу ковш горячей смолы в состоянии и мальчишка.

Мое настроение заметно улучшилось. Опять-таки и стрелкам-охотникам применение нашлось. Против тяжелой скандинавской пехоты их луки, которые Бури презрительно называл палками, не годились, а вот кидать горящие стрелы – запросто.

В общем, если сила – в правде, но наша правда – просто огонь!

* * *

Их не преследовали. Сразу. Но Гуннар всё равно сделал всё, чтобы уйти от погони. Они наматывали петли до самого рассвета, который встретили в прибрежных скалах. Здесь ветер с моря был достаточно сильным, чтобы сдуть снег с камней, которые неплохо защищали от ветра. И с контролем местности все хорошо. Достаточно было подняться наверх, чтобы увидеть дорогу. Если свеи двинутся дальше, наблюдатель их обязательно увидит.

Здесь хирдманов уже ждали двое проводников-кирьялов, которых Гуннар с собой брать не стал. Он и без них всё что надо запомнил.

Зато кирьялы выпались и караулили потом, пока викинги отдыхали.

А спали они долго. До полудня. День ожидался трудный. И ненастный.

«Если начнется снегопад, придется подойти ближе к дороге», – подумал Гуннар.

Он отхлебнул горячий взвар и сунул котелок сидящему рядом Вихорьку. Тот отпил и передал дальше, Сёльви.

– Когда снова нападём? – спросил он азартно. – Ночью?

– Ночью нельзя, – покачал головой Гуннар. – Теперь они будут настороже. Расставят секреты, подготовят нам ловушку.

– Ага, – согласился Оспак Парус. – Я бы точно так сделал. Они теперь знают, сколько нас...

– Откуда знают? – влез весянин Сорока. – Они ж только вас и видели!

– Следы, дурень! – Лосенок, один из братьев-лесовиков, пихнул Сороку в бок.

– Они знают, сколько нас и могли бы отправить погоню. Пары десятков было бы довольно. Но не отправили.

– А может... – начал Сорока.

– Рот закрой, молодой! – оборвал его Вихорёк. Он был на два года младше Сороки, но возраст не имел значения. Он хускарл, а Сорока... Его даже дренгом язык не повернется назвать.

– Поясни им, – велел Гуннар. Он видел, что остальные дренги тоже не поняли.

– С той скалы, – Вихорёк кивнул на камень, на котором сейчас пристроился караульщик Тулб, – видна вон та проплешина на берегу, где мы две петли намотали. Думаю, ты, Гуннар, нарочно нас по ней дважды провел, верно?

– Так и есть, – подтвердил Гуннар. Молодец Виги. Наверняка и родной отец у парня был воином не из последних... Из природного раба даже такие наставники, как Ульф и Свартхёвди, доброго хускарла не воспитают.

– А раз погони не было, – продолжал норега, – значит, ловить они нас будут ночью.

– Да уж, – снова поддакнул Парус. – Они такого не спустят. Не успокоятся, пока не отомстят.

– Так и есть. – Гуннар, взяв котелок, снова поставил его на угли. Взвар остыл. – Потому мы ночью их трогать не будем. Зачем их беспокоить, если они и так будут спать вполглаза. А нападём мы, когда надо будет. А сейчас мы с Лепешкой сбегает да глянем, как да что.

– А я? – жалобно перебил Вихорёк. – Я тоже с вами!

– А ты, хускарл, здесь останешься! – отрезал Гуннар. – На лыжах ты бегаешь не очень-то, а твой лук нам не нужен. Мы не убивать, а поглядеть идем. Бдите!

– Я за ними пойду! – мрачно заявил Вихорёк, когда белые фигуры соратников потерялись в лесу.

– Сиди, – рыкнул Оспак. – Гуннар велел...

– Гуннар ушел! – перебил Вихорёк. – Теперь я – старший!

– Это почему это? – изумился Оспак. Он даже меч полировать перестал – от удивления.

– А потому, что я лучший! – заявил Вихорёк.

– Да ну? – ухмыльнулся Оспак. – А с чего ты взял, малыш?

– Ты скольких вчера положил, Парус?

– Трех – точно, – сказал он.

– А я десятерых, самое меньшее! – гордо заявил Вихорёк. – И отец мой – наш ярл!

Оспак задумался. Последняя фраза сбила его с толку. Он-то считал, что Гуннар оставил старшим его. Это ведь как бы само собой подразумевалось. Для Оспака. Но Гуннар же ничего не сказал. А Виги и впрямь сын ярла...

Пока он раздумывал, Вихорёк уже подтянул ремни, надел налуч и колчан.

– Остаешься за старшего, Парус! – произнес он уверенно. И запрыгал вниз по камням, лыжи в левой руке, копье – в правой.

Оспак поглядел ему вслед, пожал широченными плечами, пробормотал:

– Сын ярла, да... – И вновь взялся полировать меч, клинок которого и без того выглядел безукоризненно. Но Оспаку нравился сам процесс.

Гуннар и Сёльви смотрели на лагерь свеев с расстояния полета стрелы. Обычной стрелы. Той, которую посылают обычные северные луки. То есть свеи располагались примерно в ста шагах.

Они остались на месте скорее всего потому, что свеи решили не брать тела с собой, а похоронить павших прямо здесь. Ну да. Спешить им некуда. Раз противник уже знает о приближении отряда, внезапного нападения не получится.

Гуннар заметил и того, кто, похоже, был свейским вождем. Он сидел на обрубке бревна, прислонившись спиной к дереву. Доспехи у свейского ярла были замечательные, а двигался он не очень уверенно. Гуннар определенно его достал, пусть и не слишком серьезно.

Тела убитых были сложены рядом со штабелем свеженарубленных дров. Убитых было на удивление много. Не меньше двух десятков. Гуннар пихнул Сёльви в бок и показал жестом: мы молодцы. Сёльви заухмылялся. Он тоже сосчитал трупы. И неважное состояние свейского вождя оценил. А ведь еще раненые есть...

– К похоронам готовятся, – прошептал Сёльви. – Лося жарят.

Ну да. Разрубленная на части туша была насажена на несколько вертелов, уложенных на вбитые в землю рогатки. И еще в котлах что-то варилось.

И пара бочонков, порядком обгорелых. С пивом, надо думать. Гуннар надеялся, что эти бочонки – единственное, что уцелело. Жаль, что бочонков только два, а не сотня. Если бы свеи напились, можно было бы куснуть их еще раз. Еще большее.

Что ж, Гуннар увидел, что хотел.

– Уходим, – шепнул он Сёльви.

– Погоди, воин!

Гуннар вскинулся... и уперся в наконечники копий.

Восемь свеев. Все – бывалые. Старший – с запекшейся бурой отметиной на щеке. Свежей.

Ждали, мгновенно понял Гуннар. Выбрали место, с которого удобней всего наблюдать за свейским лагерем – и обложили. А хорошо они спрятались. Уж какой у Гуннара глаз острый, ведь ни за что не зацепился.

Мысль эту норег произнес вслух. Признал правду.

– Ты тоже был хорош ночью, – сказал свей с раной на щеке. – Едва не отправил меня в Асгард.

– Еще отправлю, – проворчал Гуннар, хотя уже понял, что его путь славы скорее всего закончится здесь, в этом лесу. Оставалось лишь надеяться, что Гуда уже носит в чреве сына. И что у друзей будет возможность позаботиться, чтобы род Гуннара не угас.

Свей засмеялся.

– Я Хейтир, – представился он. – Хёвдинг Сигстейна-ярла, что служит конунгу свеев Эйрику. И он оказался прав, когда сказал, что вы непременно захотите посмотреть на то, что сделали. – А кто ты, воин в доспехах вождя?

– Гуннар, – проворчал норег. – Этого довольно. Асы знают, кто я.

– Пожалуй, – согласился Хейтир. – Уверен, что ты будешь молчать, даже когда я вырежу твои глаза. А вот твой друг не кажется таким крепким.

– Даже не надейся! – процедил Сёльви. – Я еще удивлю тебя, свей! Очень сильно удивлю!

Хейтир усмехнулся. И норег его понимал. Потому что не раз делал то, что собирался сделать с ними этот хёвдинг. Сёльви Краденая Лепешка уже сейчас сказал слишком много. Для того, кто намерен молчать. Гуннар не сомневался: если бы допрашивал дренга он, Гуннар, Сёльви недолго бы упрямился.

Оставалось надеяться, что этот свей не столь искусен. Потому что у Гуннара не было ни малейшей возможности убить Лепешку раньше, чем тот заговорит. Да и самому броситься на копья не получится. Его вмиг зажмут и свяжут.

Гуннар поглядел на темное небо в просветах между соснами. Погода определенно портилась. Если они не вернутся вовремя и у Оспака хватит ума увести остальных к крепости, то свей их след точно не отыщут. Жаль только, что ума Оспака не на многое хватает. Гуннар тоже усмехнулся. Свейский хёвдинг принял эту усмешку на свой счет.

– Надеюсь, ты будешь так же улыбаться, когда я сожгу твои губы вместе с усами! – посулил он.

И Гуннар понял, что спокойствие свея – фальшивое. Хейтир его ненавидел.

Это хорошо. Чтобы не дать врагу умереть быстро, палач должен быть спокоен.

– Вяжите их! – распорядился свея.

Рука Гуннара легла на рукоять меча. Губы, которые ему пообещали сжечь, искривила ухмылка.

И никто из свеев почему-то не спешил выполнять команду. Нет, копья по-прежнему были направлены на норега и Сёльви. И убить их могли достаточно быстро... Чего, собственно, Гуннар и добивался. Умереть в бою с мечом в руке куда приятней, чем сдохнуть у пыточного столба. Зря свейский командир разболтал, что их ждет, если сдадутся. Зря не сумел скрыть свою ненависть...

– Вязать их, я сказал! – рявкнул свея.

– Ага! Давай сам попробуй! – предложил Гуннар, прикидывая, сможет ли он достать свея. Нет, не получится. Сразу три копья ему не сбить.

Но зато он сумел стать правильно: спиной к спине Лепешки.

– Что застыли, как пни на корчевке! Давите их щитами! – рыкнул свея, сбрасывая свой с плеча на руку.

Но взять щит свея не успел. Глаза его выпучились и налились кровью, а сам он начал заваливаться на спину. Черенок стрелы с черным оперением торчал у него изо рта.

Свеи растерялись. Всего на миг, ведь они были опытными бойцами.

Но Гуннар этого мига не упустил: одно копьё сбил ногой, еще одно, перехватив, рванул на себя, а второе, одновременно, толкнул назад, тут же выпустил оба, выхватил из-за пояса топорик (для меча слишком тесно) и сунул его острым

краем в шею свею, ухватившему норега за бороду.

Своей бороду тут же выпустил и попытался зажать ладонью рану.

За спиной Гуннара пронзительно вскрикнул Сёльви, а самого норега с изрядной силой ударило между лопаток, швырнув вперед, на свея, который, радостно ощерясь, сунул копьем Гуннару в живот. Норега извернулся, сам не поняв, как это ему удалось, и железо копья лишь скрежетнуло по кольчуге. Гуннар боком упал в сугроб, перевернулся на спину. Как раз вовремя, чтобы двумя ногами оттолкнуть еще одного копейщика, вознамерившегося пришить Гуннара к земле.

Боковым зрением норега засек еще одного врага, перехватившего меч двумя руками, острием вниз. И острие это должно было...

Но стрела ударила свея под мышку, и Гуннар остался жив. Более того, он даже сумел встать на ноги, подхватить выпавший меч и отбить им сначала копье одного, а потом меч другого свея. А затем оценить происходящее и удивиться, как мало свеев осталось на ногах. Всего четверо. Нет, уже трое. Один из тех, что спешили на помощь нашедшей на Гуннара парочке, споткнулся, потому что из бедра у него высунулся острый граненый клювик бронебойной стрелы. А еще Гуннар увидел Виги Ульфсона, который, не прячась, стоял между деревьями и накладывал на тетиву новую стрелу. И попала она в спину свея, который наседавал на Гуннара, очень стараясь его убить. Своя выгнуло назад, и он раздумал убивать Гуннара.

Второго свея, того, что с копьем, норега прикончил сам, воспользовавшись тем, что врага отвлек растерявший боевой пыл приятель.

Последний своей успел развернуться лицом к стрелку и даже принять на щит стрелу. Что, впрочем, не спасло его от меча, всаженного в спину. В отличие от Гуннара, на котором была дорогая кольчуга двойного плетения, броня свея представляла собой всего лишь кожан с нашитыми на него колечками. Клинок пробил ее насквозь, вошел на ширину ладони и увяз.

Гуннар не стал его выдергивать, а просто извлек из ножен собственный меч, которым и добил свея, раненого в бедро. Еще один своей сидел на снегу и пытался обломить черенок стрелы, воткнувшийся в правую руку.

Черенок он обломить успел. Успел даже вскочить и отбить щитом первую атаку Гуннара...

И умереть от новой стрелы.

Гуннар опустил оружие. Спина болела, но терпимо. И кровь вроде не текла. Это хорошо.

А вот то, что убили Сёльви, это плохо.

Хотя, если подумать, умереть должны были они оба. И это в лучшем случае. В худшем, их взяли бы живыми, и они всё равно умерли бы, но медленно и неприятно.

– Видишь, Гарага, мой лук все-таки пригодился!

Виги подошел.

Улыбается во весь рот.

Ну да. Он нарушил приказ. Но Гуннар теперь обязан ему жизнью.

Норег оглядел поле боя.

– Клянусь молотом Тора, ты убил семерых хускарлов! – потрясенно проговорил Гуннар.

– Шестерых, – поправил Вихорёк. – Вот этого тоже убил ты.

– Я его только прикончил. – Гуннар снял с пояса одного из свеев веревку и принялся обвязывать тело Сёльви. Надо забрать его с собой. Вряд ли свеи, придя сюда, позаботятся о нем, как о своих.

Вихорёк тоже времени не терял: вырезал стрелы и попутно освобождал свеев от кошелей и украшений.

– Глянь, что у меня со спиной, – попросил Гуннар.

– Да я уж глянул, – бросил Вихорёк, не повернув головы. Он был занят: сдирал бронь с хольда, который сулил Гуннару неприятную кончину. – Это топором тебе приложили. Бронь целая, и спина, думаю, тоже. У тебя ж под бронью прослойка, как у кабана, не меньше. Подкольчужник, поддевка меховая... Я бы, может, и пробил, а эти – куда им! Слушай, а ты Лепешку один утащишь? А я тогда добычу в плащ заверну и тоже волоком. А то много получается.

– Я справлюсь, – Гуннар соорудил из лыж Сёльви и пары свейских подобие санок, закрепил на них тело. – Давай побыстрее. А то как бы к свеям подмога не прибежала.

– А пусть! – отозвался Вихорёк. – Их тоже убьем!

Гуннар хмыкнул, уловив в голосе парня знакомые интонации. Точь-в-точь Свартхёвди Медвежонок. Что ж, таким сыном можно гордиться. Гуннар бы точно гордился, будь у него такой. А может, еще и будет...

Глава 5

Отрезаны

Хреново, когда драка проходит без тебя. Если бы не это, я бы сказал, что должность ярла-землевладельца мне нравится. В частности, возможность усилиться с помощью ополчения – это круто. Три сотни бойцов привел ко мне Сохрой. Ну как бойцов... охотников. В чистом поле их разогнал бы вдесятеро меньший отряд викингов. Но в поле я их гнать не стану. А вот в лес – это запросто. Вреда особого они свеям причинить не смогут, но комарами поработать – вполне. Ущерб от комаров невелик, но спать они мешают.

Примерно сотня кирьялов этим и займется, когда свеи подойдут к крепости. Остальных – на стены. Метать стрелы, швырять камни, потчевать кипятком. Кипяточек – он в зимнее время очень хорош. Но не наружно.

А еще мы уже двое суток старательно поливаем склоны водичкой. Мороз небольшой, но ночью достаточно холодно, чтобы прихватило. Скандинавы – большие умельцы штурмовать такие вот небольшие крепости. Обледеневшие склоны их не остановят, а охотничьи стрелы против больших щитов и бронных воинов малоэффективны. Но у меня ведь не только охотники имеются. У меня есть Бури, чьи стрелы не держит даже кольчуга. И Стюрмир, способный метнуть не только копье, но и камешек весом пудика в три – на очень приличное расстояние. И еще несколько парней, способных драться со свеями практически на равных.

Опять-таки госпожа Удача, я надеюсь, сыграет на моей стороне.

Нет, грядущий штурм меня тревожит значительно меньше, чем несколько дней назад. Конечно, две сотни свеев – это огромная сила. Воинство какого-нибудь английского тана или французского барона такой хирд способен пустить на рагу, почти не вспотев. Но если мои диверсанты отработают по максимуму и оставят свеев без запасов провианта, то мне надо будет продержаться всего лишь несколько дней. А потом суровый дядька Голод скажет свое веское слово, потому что вся имеющаяся в окрестностях жратва свезена моими друзьями-кирьялами сюда, в крепость. Можно, конечно, рыбку ловить и дичь промышлять, но двести рыл щедротами зимнего леса не особо прокормишь. Ну и опять-таки придется выбирать: либо крепость штурмовать, либо на охоту ходить. Причем группами, потому что одиночек те же кирьялы самих в дичь превратят.

Главное – выдержать пару-тройку штурмов. А это мы, я думаю, сможем. Что меня действительно беспокоит, так это отсутствие Гуннара и его команды. Три дня прошло, а они так и не вернулись. И свеи, что характерно, где-то потерялись, хотя по прогнозам должны были появиться либо вчера вечером, либо сегодня утром. Но не появились.

А у меня появилось время выполнить свое обещание.

Я уже догадывался, что Заря – неплохой материал дляковки фехтовальщика, и убедился, что не ошибся. Скорость, ловкость, выносливость, даже сила у нее – очень ничего. Даже без поправки «на девичество». Если в случае с Гудрун я ставил на внезапность, скорость и точность, то здесь можно было мыслить шире. С упором скорее на саблю, а не шпагу, если оперировать категориями моей

спортивной юности. Если не торопиться и не ошибаться, то эта девушка далеко пойдет. Тем более что нет необходимости делать из нее универсала. Ставить ее в строй вообще не придется. Ее боевая «конфигурация» – стрелок. Так что затачивать будем исключительно на поединки. Ну, может быть, еще простейшие навыки метания ножей добавить. Еще Заря меня приятно удивила понятливостью. Базовые движения ловила едва ли не с первого раза. Меч, который я ей подобрал из трофеев, лег в ее руку как родной. Впрочем, я тоже молодец. Не знаю, кому принадлежал раньше этот клинок, но качество у него было отменное. И вес идеальный – около килограмма. Осталось только немного укоротить эфес.

Так что с первого же урока она начала работать собственным оружием. И потратил я этот урок на то, чтобы очистить ее моторику от прошлых косяков. Тот, кто учил Зарю держать меч... Я б ему сказал пару ласковых. Хорошо хоть у нее почти не было практики. Но ломать вредные навыки все равно пришлось. И к концу тренировки Заря уже держала меч более-менее толково и смену позиций тоже выполняла пусть медленно, но правильно.

Но завтра я у нее меч заберу. Рано. Ей еще часиков тридцать-сорок тренироваться до следующего урока с настоящим оружием. И еще полгода минимум самой ближней дистанцией боя для Зари будут сорок шагов. Надеюсь, я сумел донести до нее эту мысль. В некоторых вещах ее упорство граничит с упрямством. Но с этим я справлюсь. Если, конечно, нам удастся справиться с нашествием свеев. Хотя строить планы на случай нашего поражения я не собираюсь. Да и какие могут быть планы у покойников?

Мне бы узнать, как дела у моих рейдеров. Но увы. До появления мобильных больше тысячи лет.

* * *

– К крепости нам не пройти, не пустят, – с сожалением признал Гуннар.

Оба проводника-кирьяла были с ним полностью согласны. Маленький отряд уже второй день уходил на восход. Бежал на восход. Со всех ног. А на хвосте у него висели десятка три разъяренных свеев. Они тоже бежали, не щадя сил. Если бы не кирьялы, то нас бы уже нагнали. Но и теперь это лишь вопрос времени. Следы в снегу замести – большая проблема. Болотными тропами тоже не уйти.

Замерзли болота.

Тело Сёльви пришлось оставить в первый же день бегства. Как и трофеи. Но свеи всё равно настигали. По проторенной дорожке бежать – не по целине.

– Надо их задержать! – заявил Вихорёк.

– Да ну? Расскажи как, – скептически произнес Гуннар. – Нам с Парусом заслоном встать? Так тут узких проходов нет. Оставят десяток, чтобы нас порешить, а остальные даже и не замедлятся.

– Кто говорил о вас? – удивился Вихорёк. – Я останусь.

– Ага! А ярл потом нас не куски нарубит! – вмешался Оспак.

– Не ярл, – буркнул Гуннар. – Свеи. Когда догонят.

– А давайте мы останемся! – предложил Комар. – Засядем сбоку да закидаем их стрелами!

– Толку от ваших стрел! – пренебрежительно бросил Тулб. – Им с пятидесяти шагов портки свейские не пробить. Я останусь!

– Про штаны ты верно сказал, – согласился Вихорёк. – Чтобы от таких стрелков, как вы, толк был, надо шагов с тридцати бить. А с тридцати шагов свей такого стрелка сам на швырковое копье насадит. Да и ты, Огонек, один много не настреляешь. А вот если вдвоем... Хотя... Гуннар, они ведь нас точно догонят. Не сегодня, так завтра. А от крепости нас уже отрезали. Так может, дадим им бой прямо сейчас?

– Ну, за сутки многое может случиться. Например, снег пойдет.

Все с надеждой глянули на небо.

Небо не радовало: являло взгляду дивную синеву.

– Здесь селение неподалеку, – сообщил один из кирьялов на плохом скандинавском.

– И что в нем толку? – хмыкнул Вихорёк. – Помочь они нам не смогут. Выйдет так, что свеи не только нас убьют, но и ваших. И припасами вдобавок разживутся. Гуннар! Давай подеремся! Уверен, не меньше десятка с собой заберем, пока они нас в Валхаллу отправят.

– Ладно, бой, – неохотно согласился Гуннар. – Но – по-умному. Выберем место, придумаем ловушки.

– И нападём! – азартно подхватил Вихорёк.

– И нападём, – вновь согласился Гуннар. – Угадаем так, чтобы ближе к вечеру вышло. В темноте хоть кто-то уйти сможет.

– А смысл бежать? – усомнился Вихорёк. – На следующий день ведь всё равно догонят.

– Ну это смотря как повоюем, – сказал Гуннар. – Если их заманить туда, где место открытое, но особо не побегаешь, то вы с Тулбом сможете их безбоязненно стрелами бить. Хоть по ногам, к примеру. Если у свеев много раненых будет, то им придется и помощь оказывать, и двигаться помогать. На это тоже время требуется. Так что можем и оторваться. Главное – правильное место найти. Виги, помоги мне растолковать этим, – кивок в сторону кирьялов, – что нам требуется.

Нужное место нашлось. И сравнительно близко. Норег остался доволен. Проход к берегу замерзшего озера. С одной стороны – пологий холм, заросший старыми соснами, с другой – отвесные скалы, у подножия которых – нагромождение здоровенных обледенелых камней.

– Может, други, мы и не умрем сегодня, – обнадежил Гуннар. И рассказал, что задумал.

Обсуждение не заняло много времени. Как раз успела дозреть похлебка и допечься в углях подбитые кирьялами тетерева. Торопиться и прятаться теперь ни к чему.

Глава 6

На живца

Когда свеи вышли на берег, бледный круг солнца почти касался верхушек деревьев.

Ровно тридцать воев.

Вихорьку будто кто-то ледяными пальцами вдоль хребта пробежался. Тридцать хирдманов. Издали они казались мелкими, не опасными. Но Вихорёк знал, что если им вздумается спуститься сюда, к краю каменной осыпи, то ему конец. Двух-трех он, скорее всего, успеет положить, а потом его убьют. Или, что еще страшнее, возьмут живым, как недавно едва не взяли Гуннара.

Тогда Вихорёк и виду не подал, как ему было страшно выйти из укрытия и начать стрелять. Гуннар, наверное, решил, что Вихорёк вообще страха не знает. Как Медвежонок.

Но Вихорьку было очень-очень страшно. И в бой он вступил – даже сам не понял как. Услышал, что своей сулит Гуннару, встал и начал стрелять.

Вихорёк выдохнул медленно раз-другой, успокаивая дыхание и сердце. Тогда он действовал без раздумий. Но сейчас-то у них всё продумано. И очень хорошо. Нет, не побегут к нему свеи все сразу. Если выйдет по-ихнему, свеи вообще не побегут. Не получится. А раз так, то что такое три десятка? Подумаешь! Стрел-то у Вихорька сорок шесть. Каждому врагу хватит и еще останется.

Да и удар его в этой игре не первый. Враг далеко, а он – высоко. И он не кто-нибудь, а Виги Ульфсон, сын ярла!

– Вы начнете, когда я рукой махну, – в который уже раз повторил Гуннар. – Метнете пару стрел каждый – и сразу бежать. Все поняли?

Весяне и кирьялы дружно закивали.

Задача у них простая: привлечь внимание и изобразить это самое бегство. Гуннар не думал, что они смогут нанести свеям существенный вред. Стрелять они станут шагов с сорока, а на таком расстоянии звук спущенной тетивы опытное ухо легко поймает. Если подранят одного-двух врагов – уже хорошо. Зато отвлекут внимание от Гуннара. А уж он возьмет не меньше двоих.

– Куда бежать, помните?

Снова закивали.

Ну и хорошо. Часть погони на себя оттянут. А там уж как повезет. Они – налегке. Без брони, без щитов. А еще с ними Оспак пойдет. Если надо, Парус сможет и в одиночку придержать двоих-троих, выиграть время для лучников Пора. Гуннар пристроился за камнем и мысленно еще раз прикинул свой будущий путь. В уме получилось складно, а как на деле выйдет?

Раньше норег так по-хитрому думать не умел. Бил по-простому. Раньше он простым хирдманом был. А теперь он – старший. Хольд, а может даже и хёвдинг. Значит, думать теперь по-другому надо. За всех. Самому решать, когда и с кем драться. И где. И как. Вот Гуннар и решал. И получалось.

Свеи шли точно по следу, который хорошо заметной тропкой прочерчивал поросший редкий лесом склон. Держались парами, шли цепочкой. Если что, могли по-быстрому строй собрать. Шли хорошо. Сразу видно: опытные. Но не родня. Потому что по-волчьи шли. У волков как? У них матерые никогда впереди не бегут. Впереди – молодняк. Те, кого не жалко, если на опасное нарвутся. Вот и у свеев так же. Дренги впереди. А те, на ком броня получше, те в середине. Со своими бы так не обошлись.

Но что плохо для свейских дренгов, то хорошо для лесовиков, устроивших засаду. Молодые и среагируют позже, и стрелы весянские для них опаснее.

Гуннар видел, что свеи не особо сторожатся. Видят, что след не такой уж свежий: где ветром припорошило, где зверек перебежал. По сторонам они, конечно, смотрят, но так, по привычке. Расслабились. Тем более что идти по утопанному – удобнее. И озеро впереди опять же. Там открытое пространство. Всё видно. Видно и как след вправо уходит.

Но не видно, как он загибается петлей, а чуть дальше от него еще один в сторону отходит. Не видно потому, что там, дальше, тростник из-под льда торчит. Невысокий и редкий. Человеку не укрыться, а вот лыжню прячет.

Гуннар усмехнулся. Ловко он всё продумал. И легко. Всё будто само придумывалось. Деталь к детали. Точно удача на их стороне.

Свеи прошли под Гуннаром в каких-то сорока локтях. Двое переговаривались негромко, остальные молчали. Увидеть Гуннара они не могли. Услышать – тоже. Дышал еле-еле, не выглядывал, слушал только.

Прошли. Гуннар выпрямился, приготовился: одно копьё – в правой руке, два – в левой.

О! Начали лесовики. Защелкали тетивы, заорали свеи. Причем кое-кто – от боли. Молодцы лесовики! Ну да сейчас свеи еще и не так заорут.

Гуннар толкнулся и поехал вниз. И сразу увидел спины врагов. Свеи собрали строй быстро и умело. Но развернули его, как и рассчитывал Гуннар, в ту сторону, откуда летели стрелы.

Гуннар развернулся круто, взметнув снежный веер, и метнул копьё в ближайшую бронную спину. И тут же – второе копьё. В другую. Оба пришли в цель. Что не осталось незамеченным. Соседи подбитых тут же совершили поворот – щитами к новой опасности. И один из них запутался в лыжах, потерял равновесие...

Рука Гуннара будто сама метнула третье копьё. Прикрыться своей не смог – копьё угодило ему прямо в глупо раззявленный рот.

А Гуннар уже мчал вниз по склону, разгоняясь и умело огибая древесные стволы.

Эту часть своего пути он тоже наметил заранее, поэтому не боялся врезаться ни в куст, ни в камень. Один раз он даже рискнул оглянуться и увидел, что в погоню за ним пустилось никак не меньше полутора десятков. И трое уже выбыли из гонки, налетев на прикрытые снегом препятствия.

Опередив погоню самое малое на пятьдесят шагов, Гуннар пронесся через ложбину, затормозил боком у каменного завала, сорвал с ног лыжи, вспрыгнул на первый камень, с него – на другой.

Это был опасный миг. Как бы ни был норег ловок, но, не успей он отойти от ложбины хотя бы на сорок – сорок пять локтей, копья свеев его бы непременно достали.

Но Гуннар успел. То есть пару копий в его сторону все-таки метнули, но скорее от злости, чем надеясь поразить врага.

Кирьялы всё сделали как надо. Норег – тоже. Теперь пришло время выполнить главную часть Гуннарова плана.

Тулб Огонёк не боялся. Он знал, что свеи до него не доберутся. Между ним и свеями – каменный завал шириной больше тридцати саженой. А потом еще и скала высотой саженой в шесть. Правда, и завал, и скалу можно обойти слева. Но там – Виги. Сначала ворогам придется пройти мимо сына ярла...

Тулб видел, как остановилась цепочка свеев. Видел, как из-за деревьев появился Гуннар, метнул копья и заскользил вниз, ловко петляя между камнями и редкими деревьями. Свеи тут же устремились за ним, но не так отважно и не так лихо. Двое из них упали, отстав еще больше, но остальные, числом семнадцать, успешно скатились в ложбину – и отстали еще больше, потому что Гуннар с разгона пролетел по снежной целине до самых камней, а свеям не хватило скорости. Половина так вообще увязла в рыхлом снегу.

Те девять, что были попроворнее других, тоже опоздали. Гуннар уже был почти на середине каменного завала. Прыгал с камня на камень, будто кот. Совсем не боялся поскользнуться или промахнуться.

Тулб в который уже раз поблагодарил богов, что привели его к этим нурманам. Он не верил, что когда-нибудь сможет стать таким, как Бури или Свартхёвди, но очень надеялся, что сумеет сравняться с Гуннарарм или Виги. Стать таким же бесстрашным и таким же грозным. Чтобы вот так же, как только что Гуннар, бросить три копия и поразить трех врагов. И не кого-нибудь, а таких же, как он, матерых бронных нурманов. Тулбу было видно, что все трое неподвижно лежат на тропе. И броня не спасла.

Девять свеев взобрались на каменную россыпь. Пятеро запрыгали не хуже Гуннара, четверо двигались осторожнее. Особенно один, большой и толстый свей, казавшийся еще крупнее из-за мохнатой шубы, надетой поверх брони. Этот не прыгал, а перелезал через камни, опираясь на копейное древко.

«Ты, главное, не поторопись, – наставлял Тулба Гуннар. – Пусть доберутся хотя бы до середины осыпи».

Норег не подумал о том, что часть свеев отстанет. Первые уже достигли этой самой середины, а трое одолели – примерно треть, один, толстый, сажени три, еще девять только-только добрались до камней, а самый последний вообще прекратил погоню: сидел на снегу и что-то кричал оставшимся на тропе. Наверное, ногу повредил, когда упал.

Гуннар между тем достиг скалы, подпрыгнул, уцепился двумя руками за трещину, толкнулся ногой от уступа и довольно быстро полез наверх. Но не так быстро, как надеялся Тулб. Всё же скала была крутая и местами обледенела. Свеи завопили все разом. Тулб не мог разобрать, что они орут. Он пока что не очень хорошо понимал по-нурмански. Да и неважно. Зато он видел, что они делают. Самые быстрые запрыгали по камням еще быстрее, явно надеясь выйти на бросок копия раньше, чем Гуннар заберется наверх. Те, кто только-только подоспел к осыпи, разделились. Пятеро из них побежали на лыжах влево, в обход, остальные тоже полезли на камни.

Гуннар велел Тулбу сначала бить тех, кто подальше от скалы. Чтоб не сбежали. Но Тулб увидел, что самый быстрый из свеев остановился и раскачивает копье, примериваясь, и выстрелил сначала в него. И попал свею прямо в середину груди. Тулб счастливо улыбнулся. Он знал, что сделал хороший выстрел. До свея было не так уж далеко, но стрелять сверху – надо уметь. И угадать с ветром тоже. Стрела пробила бронь и вошла в свея на треть длины. Тем не менее копье он метнул. Тулб видел, как оно ударило в камень в пяди от руки Гуннара и

улыбнулся еще шире. Он надеялся, что его стрела сбила свею бросок.

Три ближайших свея, которые тоже собирались метнуть копья, моментально присели и прикрылись щитами. Тулб даже удивился, как быстро это у них получилось. Раз – и вместо людей круги щитов с выступами умбонов посередине. Вот теперь можно пострелять и по тем, что дальше. Что Тулб и сделал: встал во весь рост (в первого он стрелял с колена) и послал еще три стрелы, две из которых поразили цель. Правда, уже не так точно: оба раза – в ногу.

Теперь уже все свеи спрятались за щитами.

Кроме того отряда, что пустился в обход.

Гуннар взобрался наверх, хлопнул Тулба по плечу, похвалил:

– Воин!

Затем схватил один из камней, которые они натаскали сюда заранее, примерился и метнул в щит одного из свеев внизу. Попал. Основа щита звонко треснула, правое плечо свея открылось.

И Тулб немедленно всадил в него стрелу. Свей закричал и снова спрятался за подпорченным щитом. Добивать его норе не стал. Выбрал другую цель. И камешек покрупнее.

Промахнулся. И со второго раза – тоже. Зато третий камень угодил точно в цель. Щит отбросило в сторону, полностью открыв спрятавшегося за ним свея. И на этот раз промахнулся Тулб. Вернее, угодил в шлем. Но – крепко. Даже сверху было слышно, как лязгнуло по шлему острие, а свея шатнуло назад, и прикрыться от новой стрелы он не успел. И получилось не хуже, чем в самый первый раз. Стрела пробила кольчугу и всё, что под ней на целую пядь.

А потом Тулб увидел, как упал первый из тех, кто побежал в обход.

Всего пятеро, подумал Вихорёк. Да уж. Всего. Сойдись они врукопашную, Вихорёк простоял бы оч-чень недолго.

Но сейчас свеям его не достать.

А Вихорьку их – легко. Он вспрыгнул на плоский камень. Больше не опасался, что его заметят. Это всё равно случится, когда он начнет убивать.

Вторая стрела ушла, когда первая ударила в цель – в просвет между нижним краем шлема и краем щита, висевшего на спине возглавлявшего группу свея. Вторая – в бок другому. Свей упал, и даже сумел откатиться за камень. Но Вихорёк знал: рана серьезная.

Оставшаяся тройка показала себя опытными воями. Тут же сбросили щиты на руку и присели. Впрочем, один укрылся недостаточно быстро, словил стрелу в колено и не сдержал вопля. Стрела в колено – это очень больно.

– Эй вы, зайчишки! – крикнул Вихорёк двоим, сохранившим боеспособность. – Сегодня вы отправитесь к Хель! Там у вас уже немало друзей! Я постарался. Передайте привет Хейтиру и скажите, что скоро он увидится со своим ярлом!

– Ты, ссыкливый волчонок! Выйди и сразись как мужчина! – заорал один из свеев.

– Вот он я! – крикнул в ответ Вихорёк. – Я не прячусь! Это ты сидишь там и в штаны гадишь! Дрожи, зайчишка! Вон уже бегут сюда те, кто похрабрее!

Свей наверняка и сам видел, что еще четверо свеев спешат к ним.

Пусть бегут. Вихорёк знал: бегут они не сюда, а оттуда. Потому что испугались стрел Тулба.

Смешно. Они не знают, что Вихорек стреляет лучше Огонька. И спасти свеев от его стрел может только правильно собранная стена щитов. Да, он не высоко на скале, как Тулб. Однако между Вихорьком и врагами – огромная куча обледенелых камней. В правильном строю по таким не побегаешь.

А быстро бегут свеи. А теперь еще быстрее побежали! Потому что Тулб – молодец! Еще одного достал. Этот больше не бежит, а ползет. Со стрелой между лопаток.

Вихорёк отвлекся... и едва не оплошал. Один из свеев нашел в себе мужество: вскочил и метнул копье без разбега на сорок шагов.

Стрелу Вихорёк выронил. Иначе не успел бы правой рукой перехватить копье. И даже метнуть обратно. Зря ловил. Не добросил.

Свей захохотал.

Но смеялся недолго. Он не знал, как быстро Вихорёк умеет стрелять. Теперь знает. Вернее, знал.

Теперь один остался. И этот сидит, не высовывается. Ждет подмоги.

А подмога уже близко.

И, похоже, эта тройка думает, что здесь их не убивать, а пивом угощать будут. Ишь, как торопятся. Надо притормозить.

Вихорёк метнул пару стрел. Обе угодили в щиты. С семидесяти шагов попасть в хорошего воина, который тебя видит, очень трудно. Однако и бежать, прикрываясь щитом, тоже непросто. Тем более по глубокому снегу.

И это хорошо. А что плохо – что с тропы по склону спускаются еще семеро. И тоже нацелились на Вихорька. Хотя могло быть и хуже. Если бы они сразу двинулись в обход, чтобы зайти с тыла.

Свей из первой группы, всё это время успешно укрывавшийся за щитом, совершил ошибку. Ему бы подождать еще немного, пока соратники добегут, но он решил отступить. Сбросил лыжи и начал пятиться. Щитом он прикрывался умело. Но кое-что забыл. Например, что снежок в локоть глубиной, конечно, может прикрыть ноги почти до колен, но защитить от стрелы – нет. Так что теперь на счету Вихорька уже два разбитых коленных сустава.

Вихорёк мог бы добить подранков, но – зачем? Да, в сагах воины сражаются даже с отрубленными ногами. И в это даже можно поверить. Иногда. Если речь идет о таких, как Свартхёвди Сваресон. Но куда чаще такие раненые лишь смущают соратников стонами и становятся обузой для тех, кто цел, если надо

идти пешком.

Тройка добежала. Без потерь. Потому что Вихорёк больше не стрелял. Стрел осталось маловато, немногим больше десятка. Потом какое-то количество можно будет вырезать из мертвецов, но это требует времени и аккуратности. В бою – не получится.

Оп-па. Два свея подхватили щиты убитых. Что ж, разумно. Парой щитов можно прикрыться, даже полностью выпрямившись.

И что теперь? Они стоят. Он тоже стоит. Им не достать. И Вихорьку – тоже.

Но время – на их стороне. Ждать – нельзя.

– Эй, зайчишки! – крикнул Вихорёк, приплясывая на камне, чтобы отогреть замерзшие во время ожидания ноги. – Вас трое, а я – один! Пока вы там прячетесь и слушаете, как вопят ваши дружки-зайчишки, которым я повредил лапки, я успел целую драпу сочинить! Вот мой стих о том, как бородатые свейские зайцы испугались безусого сёлундского дана!

Покажите мне свои мечи, крикнул им дан!

Покажите мечи, которые вы зачем-то носите!

А лучше сразу отдайте их мне, трусливые псы!

Женовидным больше подобает прялка!

Женовидные...

– Заткнись! – яростно завопил один из свеев. – В твоих стихах поэзии меньше, чем в хрюканье свиньи!

– Но намного больше, чем у вас – храбрости! – крикнул Вихорёк. – Я был не прав. Обидел собак. Вы не псы, вы – бурундуки в норках! Мелкие дристливые бурундучки!

– Сам ты... – начал один из свеев, высунувшись из-за камня.

Вихорёк тут же выстрелил, но свей был готов и успел сбить стрелу краем щита.

А потом всё трое разом бросились вперед.

Вихорёк успел выстрелить пять раз. Два раза – впустую. Еще два – получше. Первому зацепил ногу, второму плечо. А последняя стрела вошла совсем хорошо. Третьему – в живот, заодно сбив бросок копья, который наверняка снес бы Вихорька с его камня.

Потом лук пришлось оставить и взяться за мечи, свей – уже рядом.

Двое. У одного стрела торчала из голенища сапога, у второго – из правого предплечья.

Что не мешало второму держать топор, а первому – более-менее уверенно опираться на раненую ногу. Однако перепрыгнуть на плоский камень, облюбованный Вихорьком, свей не рискнул. Зато, сбросив щит на плечо, он освободил левую руку и швырнул в Вихорька метательный нож. Вихорёк отбил его мечом, но потерял мгновение, что дало возможность второму перемахнуть на камень Вихорька и сразу ударить топором понизу справа, и тут же – щитом слева.

Если бы Вихорёк подпрыгнул или отскочил назад, щит снес бы его с камня.

Но Вихорёк уклоняться не стал: изо всех сил рубанул мечом по бронзовой оковке топорница. Клинком остановить топор практически невозможно, но Вихорёк по замаху угадал, что рука у свей подпорчена стрелой сильнее, чем тот хотел показать. Так что Вихорёк рискнул. И получилось. Оружие свей не удержал. Топор улетел, а щит оказался в слишком неудобном положении, чтобы защитить хозяина от клинка в левой руке Вихорька.

И не защитил.

Зато второй свей – решился. Он прыгнул. И даже сумел не упасть. Вернее, превратить потерю равновесия в толчок, который сбросил-таки Вихорька с

камня.

Упал Вихорёк крайне неудачно: спиной – на острый гребень. Кольчуга, поддевка и толстая зимняя одежда защитили. Но удар всё равно был так силен, что перехватило дух. Но хуже всего было то, что, скатившись с гребня, Вихорёк угодил в щель между камнями. Да еще головой вниз. И вдобавок врезался лбом в валун. Не совсем лбом, понятно, налобником шлема. Но удар получился жесткий. Будто дубиной приложили.

На несколько мгновений Вихорёк вообще потерял ориентацию: судорожно дергался и дрыгал ногами. В этот момент он был совершенно беспомощен, но своей этим почему-то не воспользовался.

Приступ паники прошел, Вихорёк выпустил мечи (иначе никак), уперся двумя руками, с натугой выпихнул себя из щели. И сразу понял, почему своей его не прикончил, пока Вихорёк пытался и сучил ногами. Своей хотел взять врага живьем. Но прыгнуть вслед за Вихорьком опасался. Из-за раненой ноги.

Однако когда Вихорёк выпростался из щели, своей медлить не стал.

Раз – и на Вихорька упала веревочная петля, которая затянулась на шее раньше, чем Вихорёк успел подсунуть пальцы под веревку. Всё, что он смог – это прижать к груди подбородок.

В следующий момент своей дернул, но Вихорёк успел вцепиться в веревку и, воспользовавшись рывком, он едва не выбрался наверх...

Почти. Хитрый своей ослабил веревку, и Вихорёк снова опрокинулся на камни.

Однако на этот раз упал значительно удачнее. Да и веревку не отпустил, так что, когда своей снова ее рванул, Вихорёк сделал то же самое. Причем ухватившись за веревку уже двумя руками и упершись ногой, что совсем нетрудно, когда ты лежишь на спине между камней.

И теперь уже свою не повезло. Свободный запас веревки был выбран полностью, а отпустить ее своей не мог, потому что второй ее конец привязал к поясу. Да и раненая нога подвела – не смог упереться как следует.

Результат: свей сверзился с камня. Чем Вихорёк не преминул воспользоваться. Толчок, прыжок, и теперь он наверху, а свей барахтается под ним.

Только поразить его Вихорьку нечем. Мечи остались в щели, из оружия – нож на поясе да стрелы в колчане. А лук... А лук – вот он. Висит, зацепившись тетивой на соседнем камешке.

И это очень хорошо, что на соседнем, ведь к Вихорьку со всех ног бегут еще семеро свеев. И явно не для того, чтобы похвалить за доблесть.

Вихорёк успел дотянуться до лука и отправить его в налуч, раненый свей – встать на ноги. Вернее, на ногу. И тут же атаковал: метнул аж четыре ножа. Один за другим. Быстро и точно. Два – в лицо, два – в ноги. Ошибся. Начинать следовало с ног. Тогда, может и попал бы, потому что первого замаха Вихорёк даже не увидел. Только блеснувшую в воздухе железную рыбку. Наклон головы – и швырковый нож всего лишь чиркнул по шлему. Второй нож разминулсся с целью уже на добрую пядь, а третий и четвертый – и того больше. Вихорёк отпрыгнул вправо, потом – вниз. Туда, где торчала из щели рукоять оставленного меча.

Уклоняясь, свей не удержал равновесия на обледеневшем камне... Что подарило ему сломанный палец и несколько секунд жизни. Вихорёк перевел меч в обратный хват и ударил, будто осетра острой.

Свей еще содрогался в агонии, когда Вихорёк уже стоял на «любимом» камне, сменив меч на лук.

Семерка врагов как раз успела пробежать до каменного завала... И остановиться.

Потому что побоище, учиненное Вихорьком, производило очень серьезное впечатление.

Четыре мертвеца и четверо недобитков, стонущих и вопящих. И Вихорёк с луком в руках, в одиночку победивший эту восьмерку. Восьмерку матерых хускарлов. А эти семеро, судя по скромным доспехам, были не из самых лучших бойцов свейского хирда.

Вихорёк ждал, раненые страдали, семеро никак не могли решиться... Если бы они знали, сколько стрел осталось у Вихорька, то действовали бы смелее. И возможно, всё обернулось бы не лучшим образом для сына ярла. Однако недостаток храбрости – существенный недостаток для воина.

Пока семерка топталась на месте, Гуннар уже прикинул расклад и начал спускаться со своей горки.

А Тулб, поверху, поспешил влево. Туда, откуда он мог бы достать стрелами замешкавшихся свейских дренгов.

А сверху, с тропы, прямо по оставленному Гуннаром следу уже катился Оспак Парус, а за ним, немного отставая, всякие с кирьялами.

– За нами увязались трое, – рассказывал мне Оспак, запивая баранью уху горячим киселем. Уха была соленая, кисель – приторно-сладкий от избытка меда, но Оспака такое сочетание вкусов не смущало. – Мы отвели их шагов на триста, а потом я их убил. Это было нетрудно: наши молодые успели как следует подырывать им ноги. – Ложка Оспака заскребла по дну миски. Он разочарованно вздохнул и поглядел на тридцатилитровый котел, в котором тоже было пусто. Вернувшиеся разведчики соскучились по горячему.

– Там для вас еще свинью пекут, – утешил я дана и остальных. – Ты продолжай.

– Так всё уже почти, – сообщил Оспак. – Вышли на тропу – там один раненый, а остальные – всё. Раненого добили, спустились вниз, а там Виги с Тулбом по кучке уцелевших из луков садят. Четверых положили, а трое – бежать. А за ними Гуннар. Я за ним, но разве ж за норегом на лыжах поспеешь. Он всех троих и зарубил. Одного за другим.

– Последнего еле догнал, – уточнил Гагара. – Такой прыткий оказался. Если бы лыжей за камень под снегом не зацепился, мог бы и уйти. Ну, потом трофеи собрали – и сюда.

– Это было весело! – резюмировал мой сын. – Побили их как соколы – цапель!

Я поймал взгляд Гуннара и прочитал в нем прямо противоположное. Легко не было. Они прошли по ниточке. Тактический талант норега плюс невероятное везение. Ну и то, что свеи их чудовищно недооценили.

Однако об этом я не скажу ни слова. Напротив, буду всячески поддерживать версию сына. «Как соколы – цапель!»

Потому что лагерь этих «цапель» – в опасной близости от нашей крепости. И всякий может видеть, что это очень серьезные воины. Мои рейдеры задали им жару и навалили куда больше, чем я мог надеяться. Но свеев по-прежнему до фи́га, и это еще мягко сказано. Причем они очень серьезно настроены. А мой хирд, несмотря на всю нашу доблесть, им на один зуб. Что же до союзников-кирьялов, то лесовики их откровенно боятся. И вполне заслуженно. Потому что это – викинги. А без поддержки кирьялов у меня нет шансов удержать крепость. Так что я сделаю всё, чтобы поддержать их боевой дух. И мои рейдеры в этом помогут. Особенно весяне и кирьяльские проводники. Пусть хвастаются и врут напропалую. Лишь бы видели в свеях не скованные из железа машины убийства, а всего лишь людей. Таких же, как они. И даже слабее. Пусть смотрят на бронных викингов и думают не о том, как те лихо управляются с оружием, а о том, как бы это оружие пригодилось им самим. Пусть видят в них не собственную смерть, а кучу трофеев, которую можно поделить после победы. И тогда у нас есть шанс. Примерно такой же, какой был у Гуннара с остальными. Но они это сделали, значит, и мы сможем. Хотя если бы свеи развернулись и отправились домой, я бы сплясал от радости. А почему бы и нет? Припасов у них – чуть, а настроение после полученной взбучки наверняка не радужное. Так что давайте, ребята: чемодан – вокзал – Свеаленд.

Мечты, которым не суждено было сбыться.

Глава 7

Штурм

Они рискнули. И, похоже, даже не колебались, сразу взялись за дело. Со стен было прекрасно видно, как они готовятся к штурму: рубят деревья и сколачивают из них штурмовое оборудование.

Что радовало: свеям пришлось трудиться самим. Когда они вышли к замерзшему заливу, все местные жители успели уйти. Ну, кроме тех, кто сидел сейчас внутри крепости и готовился отбивать штурм вместе с моей маленькой дружиной.

Впрочем, свеи неплохо справлялись и без рабского труда. И поторапливались. Зима на дворе, а зимой воинам надо кушать особенно хорошо. Учитывая же, что большая часть их провианта сгорела...

Я ожидал, что свеи отправят в лес охотничьи партии, которые, стоит им отойти подальше, будут встречены недружественно настроенными кирьялами.

Но свейский ярл, похоже, решил все силы сосредоточить на штурме крепости. Он даже не отправил никого в селение у входа в залив.

А жаль. Сделай он так, я попробовал бы перехватить эту группу и еще немного уменьшить численность врага.

Сейчас же подобраться к свеям – нереально.

От той высокомерной беспечности, которая пригодилась команде Гуннара, не осталось и следа. Враги четко контролировали территорию на добрых полкилометра вокруг своего лагеря. Сторожа на ключевых точках, наблюдатели на вершинах деревьев, лыжные патрули, сновавшие по замерзшему заливу и речке...

Это то, что я видел. Наверняка были и те, кого не разглядеть не только с моей горки, но даже с десяти шагов. Никто больше не подберется к свейскому лагерю ни днем, ни ночью. Это викинги, а они даже на чужой территории на уровень выше тех же кирьяльских охотников, заточенных на четвероногую, а не на двуногую дичь.

И числом тут не возьмешь. Тут другая арифметика. То есть двум-трем воинам пара дюжин лесовиков еще могут доставить кое-какие неприятности, но уже десяток свеев легко выстоит против сотни кирьялов. А если свеев будет сотня, то численность лесовиков уже не имеет значения. Тысяча, две, десять – перемелют всех.

Я, однако, надеялся избежать мясорубки. Ведь у меня есть снайперская команда. И моя удача, на которую я так надеюсь, ведь сейчас самая благоприятная ситуация, чтобы она сработала. Потому что мы все – в глубокой... яме.

Однако гарнизону своему я демонстрировал не туманную надежду, а твердую уверенность.

Мои люди, особенно ополченцы, должны видеть, что их ярл в победе не сомневается.

Иначе нам хана.

Свеи пошли на штурм ближе к вечеру. Я, честно говоря, не ожидал. Скандинавы предпочитают биться в светлое время суток. Чтобы боги сверху видели, какие они молодцы.

Эти решили обойтись без божьего присмотра.

Тяжелые щиты, которые викинги двигали перед собой, весили, наверное, по полтонны каждый. Но свеи – парни здоровые, а лед в заливе крепок. К сожалению.

Я очень надеялся, что хоть обледеневший склон задержит наступающих. И он задержал. Но не остановил.

Со стены я смотрел, как медленно ползет вверх то, что мои предки называли гуляй-городом. Только у этого вместо тележных колес – свейские конечности. Ходячий забор полз вверх по холму с черепашей скоростью. Я не видел, что происходит по ту сторону щитов, но мог догадываться. Сначала – подготовить надежную опору для ног, потом разом сдвинуть деревянную стенку сантиметров на тридцать-сорок. И повторить.

Медленно, зато безопасно. Свейский ярл оценил моих лучников и принял меры. Увы, моим стрелкам эти примитивные, но надежные конструкции оказались не по зубам. Даже Бури не выстрелил ни разу. Полная защита.

Мы попробовали их остановить: пара кувшинов масла, пяток зажигательных стрел... И – полное фиаско. Промерзшая древесина гореть отказывалась категорически.

Ладно. Когда они доберутся до стен, ситуация изменится. Смола уже кипит.

Увы! На стены они не полезли. Сосредоточились на воротах. Собрали этакую бревенчатую коробочку, крышу которой еще и мокрыми шкурами накрыли для надежности, подошли вплотную и принялись долбить наши ворота.

Понятно, что мы тоже не дремали. Забросали эту конструкцию разными тяжелыми предметами, щедро полили смолой и маслом и развели на ходячем сарае нехилый такой костерок.

Однако крыша у боевого сарая оказалась крепкой. Проломить ее и поджарить тех, кто внутри, нам никак не удавалось. Гравитация не успевала разогнать наши булдыганы, ведь между горячей крышей и краем стены – меньше двух метров.

Пока свеи добирались до наших ворот, совсем стемнело. Однако костер, разгоревшийся на боевом сарае, неплохо освещал окрестности. Куда лучше, чем луна.

Коптящее пламя полыхало не только на крыше осадного устройства. Пылали и стены боевого сарая, и земля вокруг. Склонен думать: свеям внутри приходилось нелегко. Даже нам наверху было жарковато и дышать трудно. А уж двум сотням бойцов...

Двум сотням!

До меня вдруг дошло: это ведь совсем не обязательно, что весь свейский хирд сейчас собрался в этом здоровенном сарае.

– Вихорёк! – гаркнул я по-словенски. – Бегом на вышку!

Сын понял меня с ходу. Слетел со стены и уже через пару минут сверху раздался его крик:

– С захода! Много!

Мы успели буквально в последний момент. Спасло то, что свеи слишком долго выжидали. Надеялись, что всё наше внимание сосредоточится на воротах и они смогут просочиться в крепость без потерь.

Но моя удача опять мне подыграла, и даже то, что я, тормоз, сообразил, что нас отвлекают, только в самый последний момент, тоже сыграло в плюс. Появись мы на стене раньше, вряд ли свеи были бы так неосторожны.

Но они видели, что стена пуста. И не так уж высока, чтобы не взять ее с разбега, построив живые пирамидки. Мы появились как раз тогда, когда первый из атакующих уперся руками в стену, подставив спину следующей «ступеньке». Удачно получилось.

Защелкали тетивы, и минимум десяток свеев потеряли активность. Мгновение замешательства стоило им еще десятка. Бури остался с той стороны, где ворота, но со мной были все – Вихорёк с Тулбом, все весяне, с десяток кирьяльских ополченцев и Заря. Последняя – вопреки строгому приказу не появляться на стене.

Еще одно мгновение – и еще с полдюжины свеев полностью или частично выведено из строя. И это всего-то секунд за десять.

Потом они собрали строй и прикрылись щитами. Но урон мы им успели нанести солидный. Это ж хирдманы. Каждый боец – продукт многолетней подготовки. А тут – хоп! Венчик перьев, торчащий из ключичной впадины – и этот продукт, великолепная боевая машина, корчится на земле, готовясь предстать перед Высоким[1 - Одно из прозвищ Одина.].

К нам подоспела подмога – еще с десяток кирьялов и два полноценных бойца: Витмид и Вифиль Прощай. Первый приволок горящий факел, второй – кожаное ведро, которое он и метнул во вражеский строй раньше, чем я успел возмутиться нарушением светомаскировки. В ведре оказался жир. Причем, судя по воплям свеев, довольно горячий. И он стал еще горячее, когда туда же полетел факел Витмида. Не скажу, что это нанесло свеям серьезный урон. Так, пара-тройка обожженных. А вот то, что «черепаха» из щитов распалась и наши мишени

оказались очень удачно подсвечены, это было просто замечательно.

Тетива Вихорькова лука защелкала со скоростью счетчика Гейгера на развалинах Чернобыльской АЭС. Тулб и Заря тоже расстарались. Причем все трое били не просто по доступным целям, а избирательно. Секунд десять, и вместо организованного строя – одиннадцать практически отделенных друг от друга воинов, укрывшихся под грибными шляпками щитов. Только в одном месте еще с десяток ухитрился сохранить единую «крышу», но – новая порция горючего, еще один костер и...

Кто-то истошно завопил по-кирьяльски.

Смысл вопля дошел до меня и без знания языка.

– Вифиль, со мной! – крикнул я, спрыгнул с забора и помчался вдоль стены – на звук.

И опять успел вовремя. Ну почти. Увидел, как разъяренные свои лезут через стену, а те, что уже перелезли, скидывают со стены неумех-ополченцев.

Самое время подключиться оперативному резерву. В роли которого, как обычно, выступал я сам.

С десяток плавных движений, начинающих то, что Бури поэтично определил как танец пятого небесного стража фейцуй, растворяющего малые врата, мир заискрился, и мой Волк скользнул между домом и внешней стеной, разминувшись со спрыгнувшим своим. Зато со мной своей не разминулся. Ни со мной, ни с моим мечом.

А вот следующий своей ухитрился сигануть мне прямо на плечи. Я проглядел его, потому что махнул вниз он не со стены, а уже с крыши дома.

Однако мой Волк был со мной, и я сумел не только удержаться на ногах, но и отбить копье, которое своей жаждал воткнуть в мой загривок.

Звонкий удар – и живой груз покинул мои плечи. Я знал, чья стрела его сбила. Заря. В обычном состоянии я бы разозлился. Сказано же было: не суйся в бой! Но

сейчас, когда мой мир искрился и сиял, для страха места не было. Так что мне было не жаль поделиться с любимой радостью битвы.

Плотная застройка – не самое удобное место для того, чтобы развернуться такому плясуну, как я. К счастью, лишь несколько свеев успели пройти дальше стены. Кирьялы задержали. Пусть всего лишь на один-два удара меча, но этот временной выигрыш был очень кстати. Потому что я опять оказался на заборе и заплясал на узеньком помосте, плетя стальной узор в обе стороны и смеясь от нестерпимого счастья.

На этот раз я не торопился. Чтобы чиркнуть перышком-клинком по руке, лицу или горлу, много силы не требуется. Только точность. Я возникал сбоку от перевалившегося через зубцы свея, делал короткий росчерк, высекая черные брызги, и прыгал к следующему...

Когда сквозь вату боевого танца до меня донесся низкий жуткий вопль множества глоток, я отметил своей сталью восьмого.

«Это у ворот», – возникла в мозгу отстраненная, будто чужая мысль, когда Вдоводел оставил росчерк сначала на предплечье, а потом на шее девятого. Я вовремя пригнулся – над головой басовито прогудело копье. Второго копья я тоже благополучно избежал, отстраненно отметив, что оно вошло в черный зубец на всю длину наконечника и что такого удара моя кольчужка, пожалуй, не выдержала бы. Десятый своей перемахнул через стену, успел увидеть меня и шарахнуть в сторону. Удержаться на узком помосте ему не удалось, и он рухнул вниз, так энергично замахав руками, будто собирался взлететь. Но ни топора, ни щита, надо отметить, из рук не выпустил. Спрыгивать за ним я не стал, потому что через стену лез еще один враг, а рукомаха внизу встретил Вифиль Прощай и размашистым ударом избавил душу свея от бремени грешного языческого тела.

Одиннадцатого свея я успел встретить на полпути. Расширил его оскал вдвое горизонтальным хлестом клинка и спихнул вниз ударом рукояти по налобнику шлема. А сам устремился вверх, в два прыжка взлетев на зубец.

И тут инстинкт, повелевший мне быть как можно выше, меня подвел.

Топор прилетел не снаружи, а изнутри. Я его почувствовал, но всё, что смог сделать, это в полуповороте встретить его скрещением клинков. Но даже невероятная ловкость режима «открытых врат» не смогла компенсировать законы физики. Лязг металла – и я уже лечу со стены.

Кое-как извернувшись уже в полете, я ухитрился приземлиться не затылком, а боком. Причем первым с твердью встретился меч в моей левой руке. Несмотря на отменное качество, клинок такого обращения не выдержал и обломился. Я же треснулся оземь, чудом не надевшись на торчащий из земли обломок, и кубарем покатился по ледяной горке. Последняя мысль – о Заре. Что теперь с ней...

Глава 8

Кошмар, ставший реальностью

...Раскрыв глаза, увидел немного. Отблески огня, что-то серое – над головой.

Что-то не так.

То есть всё не так. Но что-то – особенно.

Может, время? Когда я так неудачно свалился со стены, в небе была луна. И звезды. Ну, вполне возможно, что их успело затянуть тучами. У нас это запросто. Что еще? Черт! Да я же голый! И лежу на чем-то твердом... На камне, как подсказало мне осязание. А еще здесь воняет, подсказало обоняние. Зато ничего не болит, сообщил организм. Ну и что я в таком случае разлежусь? Подъем!

Но попытка не удалась.

Стоило мне сесть, как меня долбануло в спину. Будто конь лягнул. И я опять в горизонтальном положении.

Ах ты ж!.. Вскикиваю на ноги уже рывком, с одновременным разворотом.

Пинок под зад – и я влетаю во что-то меховое и вонючее.

Что-то, вернее, кто-то раздражается хриплым басовитым хохотком и отпихивает меня. С медвежьей силой, потому что мои пальцы соскальзывают с его засаленной меховушки.

Отлетая, я успеваю развернуться...

Опять они. Гориллоподобные дикари из моего летнего сна.

Получается, я сплю?

Додумываю мысль я уже на полу. Хорошо, что успел прийти на руки, а не физиономией.

Рывок за ногу переворачивает меня брюшком кверху.

Сознание фиксирует: на ноге – ремешок, который держит в лапе один из волосатых амбалов.

Перекат с попыткой ухватить ремень заканчивается очередным позорным фиаско.

Еще один рывок, меня протаскивает по камню метра три – силища «горилл» не уступает их скорости, пальцы-крючья вцепляются мне в волосы, вздергивают в вертикальное положение, и новый толчок швыряет меня в весельчака.

Тот (я и пикнуть не успеваю) хватает меня за горло и гогочет хриплым басом. Ростом этот гад сантиметров на десять ниже меня, зато раза в два шире. Густые патлы, редкая поросль на щеках и массивном скошенном подбородке. Местный подросток, что ли?

Нет. Не подросток.

Засаленная шкура свисает с одного плеча. Второе плечо, размера этак шестидесятого, голое и грязное. И здоровенная сиська – такая же голая и грязная. Самка!

Встречаюсь с ней взглядом и понимаю, что зла она ко мне не питает. Скалится во всю ширь здоровенной пасти. И глаза у нее... Я как-то сразу понимаю: это не зверь. Человек.

И еще ко мне вдруг приходит понимание, на кого она похожа. Мощные плечи, могучая грудная клетка, волосы белокурые, если их как следует отмыть, желтая поросль-бородка, широкий нос-картофелина и синие глаза, спрятанные под мощными надбровными дугами...

Да это же мой братец Свартхёвди! Бородка эта юношеская, какая была у него три года назад, ну точь-в-точь. Ну да, мой братец на четверть метра повыше, и сисек у него нет, но надень на эту бабу его любимый доспех, ну, или такой же, но чуток пошире, и поставь бородатую дамочку на табуретку, сходство будет удивительнейшее.

Нет, ну что за дурацкий сон! Я не выдержал и рассмеялся.

И сисястая двойница моего братца тоже загоготала диаконским таким баском. И игриво шлепнула меня по щеке ладошкой, отчего голова моя мотнулась, а в ухе загудело, цапнула за бороду, нагнула и шумно обнюхала мою голову.

– Беленький... – проворчала она. – И пахнет почти как мы.

Я ее понял. Ну да, понятно. Это же сон.

– Гладкий, как детеныш, – меня больно ущипнули за живот.

Я дергаюсь, пытаюсь вывернуться, оттолкнуть, но вторая лапища защемляет мне шею, и я замираю, понимая, что дергаться бессмысленно.

– И вкусный, как детеныш! – раздается у меня за спиной.

– Не твое! – Этот рык – угроза или у нее просто голос такой?

И, воркующе, на ухо:

– Мы с тобой одной крови, хрупкий. Не бойся. Они тебя не съедят.

И могучим рывком бросая меня себе за спину:

– Беги!

И я бегу. Со всех ног. А потом твердь обрывается синевой, я отталкиваюсь от края, взлетаю, падаю и качусь вниз по заснеженному склону...

И просыпаюсь.

Я лежу в снегу. Надо мной – небо. Синее. Значит, уже день. Я жив. И цел.

Или – нет? Тела я не чувствую. Но голова работает четко. Мысли не путаются.

Что ж получается? Я полсуток провалялся в снегу? Переохлаждение стопудово. Небось и обморозился? Моя боевая экипировка – не спальник из гагачьего пуха.

Пробую пошевелить пальцами. Ноль реакции. Открыть-закрыть рот тоже не получается. И говорить. Нечем. Повинуются только глаза. Могу мигнуть, подвигать влево-вправо глазными яблоками. В памяти тут же всплыла подсказка: типичные симптомы перелома позвоночника.

Усилиями воли я давлю приступ паники. Это холод. Я просто замерз, ооченел. Шутка ли – столько времени в снегу пролежать. По сравнению с переломом позвоночника обморожение – пустяк.

Я вижу, живу, дышу. Это уже кое-что. И тут же – сомнение: дышу ли? Ведь я ни хрена не чувствую. Нет, дышу точно. Без воздуха человек умирает, а я живой и мыслю ясно. Следовательно, кислорода мозгу хватает. А что у нас с обонянием? Ничего. Ноль. А слух? Тоже ничего. Стоп. Так не бывает. Даже если уши заткнуть, всё равно что-то слышишь... Нет, ничего. Ладно. Значит, бывает и так. Воспользуемся глазами. Скосить вправо – снег. Слева тоже снег. Ну да, я же в сугробе. А прямо надо мной – кусок удивительно синего неба и...

Черт!

Это была гора. А видел ее не всю, только верхнюю часть. И она впечатляла. Сразу становилось понятно, что – это здоровенная гора. Я из своей снежной дырки мог видеть только часть ее. Верхнюю. Черные угловатые склоны и острый, немного изогнутый белый пик.

Что-то знакомое... Не вспомнить. Но одно я знал совершенно точно. На территории будущей Ленинградской области ничего подобного быть не могло...

И как только я это осознал, мое брненное парализованное тело воспарило и стремительно понеслось в еще более стремительно темнеющее небо. А потом полет сменился не менее стремительным падением во мрак...

И закончился тоже во мраке.

И я опять не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, но зато теперь у меня были руки и ноги! Я их ощущал. Мне было больно! Как это здорово! Боль!

Радость моя была невыразима. Вернее, выразилась в невнятном мычании, потому что во рту у меня была какая-то твердая хрень со вкусом деревяшки. О да! Я ощущал вкус. И запах. Вернее, вонь, в которой преобладал оттенок прогорклого жира и копоты.

Я попытался поднять руку...

Не получилось. Зато я осознал, что лежу на чем-то мягком и вполне могу управлять собственной шеей. Правда, поворот головы ничего нового не дал. Ну, кроме того, что я смог ее повернуть.

Я попытался перевернуться набок... Неудачно.

И тут до меня дошло: я же связан! А та штуковина, которая мешает мне закрыть рот, – это же кляп!

Вот теперь я испугался по-настоящему. Потому что наконец-то включилась обычная логика, и я понял простую вещь: моя крепость пала. А сам я жив и в

плону у врага.

Я стиснул зубами деревяшку. Нет, перекусить ее мне не удастся. Да и что это мне даст? Какой смысл орать, если крепость захвачена?

Стоп! Но если крепость захвачена, зачем тогда враги заткнули мне рот? Связали – да, понятно. А рот зачем? Помешать мне произнести какое-нибудь предсмертное проклятие? Сомнительно.

Ладно. Рано или поздно меня навестят. И моя скорбная участь прояснится. А пока не худо бы протестировать организм.

Организм оказался в относительном порядке. Где-то что-то болело, но не критично. Мышцы напрягались и расслаблялись, как положено. Кости проворачивались в суставах. Ну, насколько позволяли мои узы. Наблюдались некоторые неудобства. Допустим, было бы неплохо отлить. Но в собственной боеспособности я мог не сомневаться. Если меня развяжут и дадут оружие, то, скорее всего, в грязь лицом ударю не я, а мой противник. Но, боюсь, личное мужество мне придется доказывать по-плохому, то есть не на поле боя, а на пыточном столбе. Ну что ж... Бывало и похуже. Опять-таки я человек не бедный, а господа викинги вряд ли ненавидят меня настолько, что откажутся от денег. А их должно хватить не только на мой, но еще на добрых полсотни выкупов. Вот именно в такие моменты и понимаешь: деньги – это свобода.

Эк я, однако, размечтался.

Но – полегчало.

Теперь – ждем.

Глава 9

Pater noster, qui es in caelis...

Ожидание не затянулось. Прошуршала дверная завеса, мелькнула серая тень.

Я напрягся.

И зря.

– Милый, милый, милый... – шершавая ладошка на моем лбу. – Матушка Мокошь, верни мне моего мужа! Патер ностер, кви эс ин челис...

Я офигел. «Отче наш» на латыни из уст моей любимой поразил меня едва ли не больше, чем деревья во рту.

– Развяжи меня! – потребовал я.

С палкой во рту получилось – не очень. Большие проблемы с дикцией.

Но смысл дошел. Зарёнка пискнула радостно, и через мгновение я обрел способность говорить. Частично. Но девочка у меня сообразительная. Сразу же поднесла мне чашку с теплым молоком. Даже голову мою приподняла заботливо. Напоила и быстренько распустила узлы на ремнях. Что ж, во всяком случае, связали меня грамотно: ничего не затекло. Вот только зачем? Я в плену у свеев?

– Да нет же! – радостно засмеялась Заря. – Всё хорошо, любимый! Мы отбились!

И поведала мне то, что я пропустил.

В общем, нам повезло. Ворота оказались крепче, чем «крыша» над свеями, которые их ломали. Когда очередная колода проломила эту самую «крышу» и внутрь посыпались горящие угли, приправленные горячей же смолой, свеи вынуждены были отступить.

Вернее, бежать со всех ног, потому что наши стрелки щелкали тетивами, а не клювами.

Атака с тыла тоже потерпела фиаско. Основную группу мы выбили, а тех, кто всё же успел перебраться через стену, оказалось совсем немного. И побили их даже не мои бойцы, а мирные жители. Ну не то чтобы побили, но, скажем так, обнаружили и связали боем, пока не подоспели мои бойцы. Так-то с шестью

свейскими хирдманами в условиях «городского» боя и сотне кирьялов не совладать.

А еще у нас обнаружилась «пятая колонна».

Семеро свейских вдов решили выступить на стороне своих соплеменников.

Пятерых вдовиц порешили кирьялы прямо на месте. Двоих повязали мои воины и до суда сунули в погреб. Решить их участь предстояло уже мне.

По мнению Зари, предательниц следовало раздеть, выпороть и бросить в лесу. Волкам. По ее словам, именно так поступали варяги с плохими женщинами.

Рассказывала мне всё это Зарёнка очень эмоционально. Причем эмоции ее совершенно не касались преступниц, а были направлены исключительно на мою персону, и выражались не только словесно, но и телесно, то есть Заря скинула одежду и забралась ко мне под одеяло.

Нет, ничего страстного. Только тепло и нежность. И безмерная радость, что я не помер и не сбрендил.

А мог бы, потому что падение со стены на каменистый склон – это не шутка. Я ведь сначала свалился с порядочной высоты, а потом катился практически до самого берега. И то, что я ничего не сломал и не отбил, за это спасибо моим доспехам и, наверное, Белому Волку, который поспособствовал тому, что моя тушка упала правильно, а не как мешок с брюквой. Ну, наверное. Последнее, что я помнил: это как сломался мой меч для левой руки.

В снегу я лежал недолго. Вифиль видел мое падение и, как только наши разобрались со свеями, они быстренько нашли своего ярла и оказали ему посильную помощь.

А вот сам ярл, как оказалось, повел себя весьма странно. Несмотря на отсутствие серьезных повреждений, в сознание не пришел, а, будучи в состоянии бессознательном, вдруг стал биться и метаться, издавая невнятные вопли и пуская слюни не хуже профессионального берсерка или ульфхеднара.

По распоряжению отца Бернара меня быстренько зафиксировали и сунули в зубы крепкую деревяху.

Монах сообщил окружающим, что я, видимо, солидно приложился башкой о твердое, душа моя грешная ослабла, и теперь ее терзают бесы. И пока процесс не прекратится, развязывать меня нельзя.

Не знаю, приняли ли наши язычники идею с бесами, но поскольку авторитет в области медицины у нашего лекаря был весьма высок, спорить с ним не стали и занялись более насущными проблемами. Равно как и сам лекарь, который велел Зарёнке сидеть со мной и читать единственную известную ей молитву, а сам ушел пользоваться других раненых.

Заря предписание выполняла ревностно, позволяя себе лишь небольшие перерывы на еду и прочие телесные надобности. А поскольку латинянская молитва радикального действия не оказала, то где-то через сутки моя девушка решила дополнительно воззвать к более привычным защитникам.

Уж не знаю, кто из них мне помог, но сейчас чувствовал я себя относительно неплохо. Настолько неплохо, что даже начал правильно реагировать на близость юной красавицы. Которая, однако, решительно отказала мне в близости.

И более того, при первых же поползновениях с моей стороны выскользнула из-под одеяла и заявила, что сначала меня должен осмотреть медик. А потом, даже в случае положительного отзыва, мне следует не сексом заниматься, а сначала пожрать, а потом вернуть в свои руки бразды правления. Ибо Гуннар, конечно, правильный лидер, но ярл – я. И Заря, как моя жена, просто обязана мне это напомнить.

М-да. Нелегкая это участь – быть правителем. Но кто посмеет сказать, что я не справляюсь?

И кто бы мне еще сказал, что это за сны такие дурацкие ко мне приходят? А главное – зачем?

в которой Ульф-ярл готовит сложную тактическую операцию

Сигстейн-ярл ушел к кирьяльскому селению.

Вернее, отошел, потому что бойцов у него было всё еще намного больше, чем у нас. Не меньше сотни. При прямом столкновении хирдманы Сигстейна размазали бы нас по снегу ровным слоем фарша. Наверное, свеи бы и крепость смогли взять, если бы атаковали, не считаясь с потерями.

Но подобное отношение – не в традициях викингов.

– Сигстейн уже положил половину хирда, – ухмыляясь, заявил Тьёдар Певец. – Если он еще раз уполовинит своих бойцов, кто тогда станет звать его ярлом?

Логично. Воины – главная ценность здешних вождей. После удач. Хотя удача – важнее. Потому что если удача покидает вождя, то воинов у него вскоре не остается. Кто не помрет, тот сбежит. Или сам займет перспективное место лидера. Поэтому ни один скандинавский вождь не бросит своих в слепую атаку и не станет заваливать противника трупами соратников. Каждый хирдман – на вес если не золота, то уж серебра точно. Хирдман – это ведь не только выучка и опыт. Это продукт жесточайшего отбора. Далеко не каждый из дренгов доживает до звания хускарла. И далеко не каждый хускарл способен пройти сквозь кровавую молотилку вигов и стать хольдом. А затем – вождем-хёвдингом.

А ведь Сигстейн-ярл потерял не только молодняк. Пострадала и его элита. Это, черт возьми, обидно, когда гибнут воины, прошедшие через десятки настоящих сражений, не говоря уже о сотнях мелких стычек. Причем обидно и больно не столько самим погибшим (им легче, они сразу в Валхаллу), а их друзьям-соратникам. Только серьезная добыча может облегчить викингу боль от гибели товарищей. Возьми Сигстейн-ярл нашу крепость, никто не усомнился бы в его удаче. Конечно, самое дорогое забрал с собой мой братец, но ценного имущества у нас оставалось выше крыши. Свейский ярл скорее всего был не в курсе нашего истинного благосостояния, но рассчитывал на серьезную добычу. Он точно знал, что мы несколько месяцев «играли в таможеню». И знал, что нам досталась казна прежнего держателя крепости. И даже об имуществе ярла Бьёрна Красное Копье, которое мы приобрели с помощью всё того же железного эквивалента, Сигстейн тоже мог быть осведомлен.

Уверен, что мысль обо всей этой здоровенной куче добра наверняка грела сердца Сигстейна и его воинов, когда ярл принял поручение своего конунга и двинулся нас изничтожать. Я уже достаточно хорошо изучил скандинавов, чтобы понимать, что ими движет. Месть, честь и корысть. Причем корысть – на первом месте, если речь не идет о мести кровной. Без этих стимулов ни один викинг задницу от скамьи не оторвет. Причем мои – такие же. Даже с мешком золота за плечами не погнушаются отнять у слабейшего пару серебряшек.

Так что я примерно представляю, что сейчас творится в поредевшем отряде Сигстейна. Гнев, разочарование, упадок дисциплины. Свеям навалили, причем бесплатно. И это очень солидно долбануло по авторитету их вождя.

А уж если добавить то, что сообщили мои разведчики, а именно – про аристократические замашки ярла, вроде привычки поживать в личном шатре, то можно было надеяться, что опасная щель между лидером и его подчиненными вырастет в настоящую пропасть.

Нет, отступил ярл правильно. Крыша над головой – это неплохо. Особенно зимой. Однако жрать хочется и в тепле, а склады и амбары в кирьяльском селении пусты. Жители успели вывезти все сколько-нибудь ценное или съедобное.

Так что свеям остается только охота и рыболовство. Ну можно, конечно, по огородам пошариться: вдруг под снегом сыщется забытая брюква?

Та еще перспективка для прирожденных победителей.

Вывод? Рассиживаться на месте они не станут. Залижут раны, отдохнут и предпримут новую попытку.

Надо это мне? Нет! Следовательно, пядь железа им в печень, а не полноценный отдых и спокойный сон.

Я кликнул подвернувшегося под руку дренга, коим оказался Мёрд Куница, и велел собрать старших на совет.

Собственно, советом это только называлось. Я уже всё решил единолично. Осталось лишь поставить в известность всех участников будущего мероприятия.

Я поглядел на Сохроя.

В отличие от моих, которые сияли, как бронзовый шлем новобранца в летнее утро, кирьяльский староста был грустен. Если из моих бойцов ни один даже серьезного ранения не получил, то кирьялов в заварухе полегло немало. Что ж, это война. Жертвы были и будут.

– Сколько хороших стрелков у тебя осталось, Сохрой?

– Четыре десятка наберу, – без энтузиазма ответил староста.

– Пусть готовятся, – распорядился я. – Как только стемнеет, отправь их к селению.

Староста набычился. Явно собрался возразить, но я ему не дал:

– В бой не лезть! Только беспокоить. Стрельнули через ограду – спрятались. Если наружу полезут – сразу бегите. Не получится стрельнуть, пусть просто кричат. Хоть камнями кидайтесь, но спать свеи не должны, пока не зайдет луна!

Сохрой кивнул. Этот вариант его устраивал. Ну и ладушки.

Луна по моим прикидкам зайдет часа в три ночи.

И тогда я дам свеям передышку. Примерно на час. Чтоб расслабились и разобрались по койкам.

А потом ими займемся уже мы. И по-взрослому.

Такой вот незамысловатый план.

Не будь я уверен, что свейское воинство порядком деморализовано, я бы не стал рисковать. Это большая оплошность: считать противника глупее себя. Но

тяжелый бой, полученные раны, уменьшенный паек и пошатнувшаяся вера в лидера должны сработать. Поубавить викингам хитрости и бдительности. Ну а если окажется, что я не прав, то всегда можно отступить. Рисковать своими хирдманами я уж точно не стану. Если у Сигстейна всё же хватит авторитета и сил, то это проявится сразу, во время беспокоящих атак кирьялов. Их мне, конечно, жалко, но свои – дороже.

Впрочем, Сохрой тоже не дурак. Лезть на рожон не станет. А вот насколько свеи бодры, установить будет можно.

Пока я разбирался с Сохроем, в моих собственных рядах образовалась оппозиция.

– Может, не стоит тебе самому к свеям лезть? – громогласно усомнился Гуннар. – Ты же, ярл, только на ноги встал. Давай лучше я.

И поглядел на отца Бернара, ожидая поддержки.

Не получил. Монах осмотрел меня сразу после того, как я очнулся, и не нашел ни признаков сотрясения мозга, ни иных повреждений. Ушибы и ссадины к последним не относились.

– Стоит, Гагара! Но спасибо за заботу.

На этот раз я намерен провести операцию сам. А он останется на хозяйстве.

– Со мной пойдут Стюрмир, Витмид, Тьёдар, Мёрд, Лут Ручища, Бури, Виги и братья Крумисоны.

Братья во время штурма показали себя неплохо. При зачистке каждый из них положил по свею. Не поглядели, что те соплеменники.

Хотя кто их знает, эти скандинавские национальные отношения? Вон взять сконцев и их соседей сёлундцев. И те и другие формально – даны, но если что-то и может помешать им резать друг друга, то не эта «формальность», а возможный гнев Рагнара-конунга, недавно подгрёбшего территорию Сконе под свою волосатую задницу.

Мои дренги Лут и Мёрд при штурме не оплошали, так что их я тоже возьму. Посмотрим, как покажут себя в ночном бою.

Особая статья – стрелки. Кажется, ночью в темноте от них проку немного. Но не от этой парочки. Бури, как мне кажется, бил бы без промаха и в абсолютной темноте. И Вихорёк в последнее время наловчился лупить на звук с отменной точностью. Бури сказал, что у моего сына развито чувство направления. Мол, когда открывается такая фишка, то глаза уже не нужны, потому что стрелой управляет воля стрелка.

Звучало неубедительно, с точки зрения законов физики, но поскольку физический урон от «волевых» стрел несколько не уступал обычным попаданиям, я объяснение принял и порадовался. Стрелки – страшная сила. Я бы даже сказал – главная. Неудавшийся штурм тому доказательство. И замечательный поединок Гуннара, Вихорька и Сёлви против Хейтира хёвдинга и семерки его бойцов. Когда я слушал эту историю, то буквально за горло себя держал, чтоб не высказаться по поводу такой авантюры. То, что Вихорёк и Гуннар выжили, иначе как чудом не назовешь.

Но, во-первых, победителей не судят, а во-вторых, мой сын проявил нешуточную храбрость, что однозначно требовало похвалы, а не порицания. И еще это очередное наглядное доказательство того, что такое хороший лук в умелых руках. Особенно если его использовать против тех, кто лучников традиционно недооценивает.

Так что Бури и Вихорёк – точно со мной. А вот Вифиля и Оспака я решил оставить Гуннару.

И Кёля Длинного, который ухитрился вывихнуть ступню, свалившись со стены.

Зарю я тоже не взял. И в качестве компенсации мне пришлось потратить еще часа два, доказывая, как я ее люблю. Опять-таки и сам я убедился, что мой организм в порядке, поскольку к постельному марафону он отнесся вполне позитивно.

Правда, после него я уснул и проспал до полуночи, пропустив суд, который свершил Гуннар над вдовами-предательницами.

Одну из них Гуннар казнил. Собственноручно. А вторую отпустил. Вообще без последствий. За подсудимую вступилась Гуннарова жена Гуда. Определенно, женитьба существенно снизила кровожадность моего хольда.

Конечно, сыграло роль и то, что помилованная никого не успела убить, потому у пострадавших от вдовьего предательства кирьялов личных претензий к женщине не было.

Разобрались, и ладушки. У меня были дела поважнее. «Полопали и потопали», как говаривала моя бабушка.

Глава 11

Смерть во тьме

Когда мы подошли к селению, кирьялы уже отступили. Свою задачу они выполнили. В минимальном формате. Никого не убили, но и сами все остались целы. Мои опасения по поводу засады оказались излишними. Свеям было не до военных хитростей. Они заняли два больших дома и, по словам старосты, время провели насыщенно: весь вечер ругались и ссорились. Но железо не звенело, так что до настоящей драки дело не дошло. И, судя по запаху жареного мяса, вытекавшего из продухов вместе с дымом, какая-то жратва у них еще оставалась.

Свеи продолжали ругаться и после захода солнца, а когда наконец уgomонились, за дело принялись мои кирьялы. Часть из них перелезла через частокол, который никем не охранялся, и немного постреляла по окнам. Когда же свеи решили сделать вылазку, лесовики поступили разумно: сразу удрали.

После этого демарша свеи наконец-то вспомнили, что они на войне, и выставили дозорных. Коим лесовики старательно докучали всё остальное время: стреляли, шумели, делали вид, что собираются проникнуть внутрь ограды.

Что ж, мои не платящие дани подданные сделали свое дело. Теперь наша очередь.

Силуэты на фоне звезд...

Мне их практически не различить, но у моих лучников ночное зрение получше. Две стрелы сорвались с тетив одновременно. Минус два.

Живая «пирамида», и я, как самый легкий, первым оказываюсь на той стороне. Замираю. Жду, когда «переправятся» остальные.

Всё.

Бури и Вихорёк остаются на стене. Наша снайперская поддержка. На острия частокола наброшены веревки, спущенные внутрь. Наш путь к отступлению.

Стюмир и Витмид обухами топоров вбивают распоры, заклинившие вратный засов. Теперь быстро скинуть его не получится. Удары почти не слышны. Подложенный войлок скрадывает звук.

Мы выдвигается к домам, занятым свеями.

Их дворы, считай, рядом. У главного, того, который в свое время занимали мы сами, оградка приличная. И ворота тоже.

Вокруг второго забор чисто символический. Чтоб скотина не разбегалась.

Была у меня мысль повторить то, что сделал когда-то хёвдинг Хальфдана Черного со злыми берсерками: заклинить двери и поджечь дома.

Но я эту мысль отбросил. Не та у здешних изб конструкция. Да и имущество портить не хотелось.

И не получилось бы, потому что двери оказались сняты. Вместо них, полетнему – завесы из кожи. Тоже понятно. Хоть какая-то вентиляция.

И нам опять-таки проще.

Задача бойцам поставлена.

Витмид, Стюрмир, Тьёдар и Лут Ручища вламываются в дом поменьше, а мы с братьями Крумисонами и вьюношем Мёрдом кошмарим основное строение. Дренга оставляю караулить ворота. Чтоб под раздачу не попал. Да и не хотелось бы, чтоб нас во дворе заперли.

План действий прост, как пинок под зад. Врываемся и рубим всё, что шевелится или собирается шевелиться. Рубим ровно минуту. Потом, по моему сигналу, быстро сваливаем со двора и бежим к стене. Улица тут более-менее прямая, так что снайперская группа нас прикроет от самых проворных свеев.

Это, так сказать, первый акт нашего балета.

Мной запланирован еще и второй. Но пока – гипотетически. Это зависит от того, как «зрители» примут первый.

Во двор мы проникли без помех: Мёрд перемахнул через забор и вынул засов.

Я договорился с Витмидом, что они начнут, как только досчитают до ста. Думаю, нам этого времени тоже хватит.

Крадемся вдоль сарая к дому. Снежок под ногами здесь уже не так бел, как снаружи. От стены сарая воняет мочой. Свеи уже успели превратить двор в один большой сортир.

Вход в дом прикрыт кожаным пологом.

Раз, два... Пошли!

Я отбрасываю завесу и ныряю в вонючую тьму. Видимость – ноль. Однако по слуху вполне можно ориентироваться. Кто-то храпит, кто-то стонет...

Свеи лежат вповалку на полу и на лавках. На лавках, скорее всего, раненые. Места ближе ко входу – козырные. Тут воздух посвежее. Правда, и

попрохладнее.

Ближайших я не трогаю. Ими займутся Крумисоны. Их задача: не дать заблокировать выход. Мёрд – на подхвате. Снаружи. Если кто-то полезет через продух, парень даст знать.

Всё остальное сделаю я. Но не сразу. Сначала – тихое проникновение. То есть иду в глубину дома, никого не трогая. Просто иду к печке, перешагивая через тела.

Здесь, у печки, вообще элитное место. Очень надеюсь, что именно здесь расположился свейский ярл.

Задеваю кого-то ногой. Недовольное ворчание. А вот у меня за спиной кто-то встал. Но это не тревога. Это мужику приспичило. Неудачно получилось. До печки я еще не дошел и уже не дойду. Придется начинать прямо сейчас.

Ну, понеслась!

Я втыкаю оба клинка в мягкие, не защищенные ничем, кроме одеял, тушки.

Выдергиваю и повторяю операцию, но уже с другими неудачниками.

Ориентироваться легко. Откуда сопение, там и голова.

На третьей паре становится сложнее. Двое уже вопят, причем очень характерно. Сразу всем понятно, что их убивают.

Вокруг меня вскакивают и мечутся свеи. Я хлещу клинками во все стороны и с максимальной скоростью рвусь к выходу. Я не берсерк. Случайное попадание – и я труп.

У входа меня едва не зажали. Не специально. Просто большая часть свеев инстинктивно ломанулась к выходу.

И на пути у них встали братья Крумисоны, перекрыв проход щитами.

Понятно, что у этих щитов тут же образовалась давка.

За моей спиной вспыхнул огонь. Кто-то поджег факел от печных углей.

У меня секунда, чтобы вырваться.

Толчок, удар... Я вспрыгиваю на содрогающееся в агонии тело, ору что есть мочи:

– Это я! Я! Ульф!!!

Крумисоны, сориентировавшись, делают шаг вперед, внутрь помещения, и разводят щиты, создавая мне щелку, в которую я и вкручиваюсь, не забыв на развороте хлестнуть тех, кто пёр за мной.

– Отходим!!!

Мы втроем срываемся с места.

Втроем! Мёрд Красная Шапочка остался в воротах. Не иначе, решил в одиночку прикрыть нас от серых свейских волков.

Когда я услышал за спиной лязг стали и обернулся, было уже поздно.

Первого свея Мёрд зарубил, а вот второй сумел уклониться и хватанул моего дренга секирой по руке. А третий всадил тесак в живот. А потом четвертый свей швырнул нам вдогонку факел, и еще один метнул копье. Оно ударило в щит Траусти Крумисона, висевший у того на спине, и в нем застряло.

Траусти бросило вперед, но на ногах он удержался, сбросил щит и понесся еще быстрее. До стены оставалось всего ничего. Наши из команды Витмида уже карабкались наверх.

А я вот приотстал и ухватился за веревку последним, уже чувствуя копейное железко между лопатками...

Но взбежать по стене мне не дали: могучим рывком вздернули вверх. Я встал рядом со Стюрмиром (это он мне помог), глянул назад – и понял, почему swei не смогли до меня добраться.

Потому что попрятались. Мои снайперы били с винтовочной скоростью. И даже не на слух, потому что пространство перед стеной очень удачно подсвечивал брошенный мне вслед и воткнувшийся черенком в снег факел.

– Уходим! – крикнул я и первым сиганул со стены наружу, в сугроб.

– Уходим!!! – Я сунул ноги в ремни первых попавшихся лыж и припустил вдоль стены по нашей старой лыжне. Ну, понятно, что первым я не был. Но на этот раз и не последним. Сразу за мной Вихорёк, а за ним Бури.

Обогнув селение, мы побежали к лесу. Я попытался сосчитать, сколько людей впереди, но не получилось. Темно.

Ладно. Кто не успел, того уже не вернуть. На стене точно никто не остался.

На опушке я остановился и оглянулся.

Не увидел ничего, кроме смутных очертаний поселковой стены.

– Погони нет, – немедленно сообщил мне Вихорёк, тоже остановившийся.

Я наконец-то пересчитал людей. Восемь человек, не считая меня. Одного не хватает. Мёрда. И это моя вина. Надо было вбить парню в голову, чтоб не геройствовал.

Но swei мне за него ответят.

– Погони нет, – согласился я.

Это объяснимо. Я бы тоже на месте sweeв гнаться за нами не стал. Форa у нас приличная, так что к острову своему мы всяко успеем раньше.

– Погони нет. А время до рассвета есть. Веревки все забрали?

– Все, – доложил хозяйственный Стюмир.

– Это хорошо. Они нам скоро пригодятся.

Глава 12

Смерть во тьме (продолжение)

Я рассуждал так: что бы сделали нормальные викинги после такого свершения, пусть и не принесшего добычи, но уж точно славного?

Отправились бы домой пить пиво и рассказывать о собственных подвигах.

Однако будь я на месте свейского ярла, я непременно отправил бы кого-нибудь проверить, действительно ли мы ушли. Кого-нибудь с хорошим ночным зрением и развитыми навыками разведчика. Просто на всякий случай.

Один разведчик – это не проблема. У меня в отряде тоже есть «совы», и уверен, они такого разведчика засекут.

А если разведчика не будет, что тогда?

Тут возможны варианты.

Наилучший: свейский лидер решил, что этой ночью можно спать спокойно.

Менее удачный: Сигстейн-ярл решил поставить капкан на охотника. В который мы и попадемся, если нападём снова.

В аналогичную засаду как раз и угодили Гуннар и Сёльви.

Сёльви это стоило жизни, однако свеям военная хитрость обошлась намного дороже.

Как поступит ярл сейчас? Кто его знает. Но я рискну. Моя интуиция говорит: делай.

Или это не интуиция, а желание отомстить за Мёрда Красную Шапочку?

Ну, поглядим.

Спустя примерно два часа мы опять подобрались к деревенской стеночке. Часовых не обнаружилось.

– Засада? – едва шевеля губами, поинтересовался Витмид, когда мы уже взобрались на стену.

Умный, собака. Почти как я.

Слишком умный для среднестатистического дана. Хотя дан ли он? Надо будет потом уточнить.

– Сходи проверь, – полупопросил-полуприказал я.

Витмид бесшумно скользнул вниз и тут же потерялся во мраке.

Рядом со мной присел Бури. Лук его в налуче. Это успокаивает. У азиата слух – как у летучей мыши. В обоих смыслах.

Витмид отсутствовал недолго.

– Спят, – сообщил он. – Мертвецов сложили перед большим домом. Их много, мертвецов. Десятка три – за одного нашего. Удачлив ты, ярл!

Это да. Особенно, когда припрет.

Я задумался. Повторить то, что мы уже провернули, понадеявшись на беспечность свеев? Завалить еще два десятка – и считай, Сигстейн-ярл уже две трети хирда потерял. А если это всё-таки засада?

– В домах тихо? – уточнил я.

– Ага. Ни звука. И дозорных нет. Что скажешь, ярл?

И хочется и колется. Если мы убьем еще десяток, то получится, что Сигстейн-ярл положил уже две трети хирда. Причем за просто так. Я слышал: вожди переставали быть вождями и за меньшее.

Но что-то смущает...

Надо самому глянуть, а то как-то беспокойно.

Сам-то сам, но ко мне, по собственной инициативе, присоединились Витмид с Тьёдаром.

Действительно, всё тихо. На первый взгляд.

Я осторожно просочился во двор. Благо, затворить ворота никто не потрудился. Темно и тихо. И мертвецы. Здоровая куча. Да тут не три, а все четыре десятка. Неужели мы столько успели побить? Это ж какие мы крутые парни, оказывается!

От покойничков пованивало. Не мертвечиной, для этого рановато. Морозец хоть и несильный, но всё же минус. Недавней насильственной смертью.

Далеко от ворот я отходить не стал. Присел у забора и прислушался. Ну да. Тихо. Относительно. В доме кто-то стонет. Больно бедолаге. Ну что ж поделаешь. Его сюда никто не звал. Как говорится, с чем к нам придешь, с тем и...

Нет, что-то мне стрёмно. Чуйка свербит. Что-то не так в здешней картине мира, нашептывает мне подсознание. Что-то не так. Что?

Ворота не заперты? Нет, этого недостаточно. Наоборот, если бы засада, их стоило бы прикрыть. А так все вроде на виду. Мертвецы, сарай... А там,

подальше, вход в дом. Мне отсюда не видно. Но вход точно есть. Дом... Что дом? В доме тихо. Но не слишком. Можно уловить и похрапывание, и стоны. Умаялись и спят? Если бы ругались, было бы лучше? Вряд ли. Спят. Это же хорошо для наших целей. Что же мне не нравится?

А мне не нравится определенно. Чувство неправильности никуда не подевалось. Моя чуйка дергала изнутри всё сильнее: валил бы ты отсюда, хозяин!

Эх! Мне бы сейчас то зельецо, которым меня когда-то попотчевал папаша Быськи и Квашака. То, что резко обостряет ночное зрение. Жаль, что папаша помер, не поделившись с детьми секретом средневековой алхимии.

Что это? Скрип? Еле-еле слышный, однако мой подстегнутый беспокойством слух его засек. Был бы ветер, тогда понятно. Но ветра нет. Что скрипнуло? Двери сарая? Возможно. Звук – оттуда.

Всё-таки засада.

В уме тут же выстроилась схема: группа в сарае. Еще одна – где-то снаружи, чтобы вовремя закрыть ворота. И крысоловка захлопнется.

Надо бы как-то дать знать Витмиду и Тьёдору. Та группа, которая снаружи, может оказаться у них за спиной.

Но хирдманам всё равно проще. Они снаружи, а я уже внутри. Можно сказать: одной ногой уже в мышеловке.

Заметили ли они меня? Ну, если я прав и это засада, то наверняка.

Вопрос: нападут ли? Или не станут выдавать себя из-за одной-единственной мышки? Понадеются, что я приведу остальных?

Я очень осторожно попятился к воротам. Да, я ничего не видел. Но слух у меня обострился – почти до уровня среднестатистического викинга.

Шажок, еще шажок...

Тени метнулись ко мне, откуда не ожидал. Не от сарая, а от штабеля мертвецов.

Вот блин! Оказывается, далеко не все мертвецы – мертвецы!

И со стороны ворот тоже бежали. И это были не Витмид с Тьёдаром. Свеи.

Я попался!

Но пока еще не совсем. Мир заискрился и даже как-то посветлел. Мой Волк метнулся светлой тенью и одним высоким прыжком перемахнул через двухметровый забор.

Я следом. Пять прыжков – и я у забора. И тотчас присел, пропуская над собой копье, с хрустом воткнувшееся в промороженное дерево.

Присел – и сразу подпрыгнул по-звериному, ухватился рукой за край частокола, толкнулся (копье послужило ступенькой) и оказался снаружи. Очень вовремя. Помедли я хоть полсекунды – и еще два копья пригвоздили бы меня к ограде.

Витмида и Тьёдара снаружи не оказалось. А мне сейчас как-то не до них. Из ворот выскочило не меньше дюжины свеев.

И еще столько же, причем часть – с факелами, вопя, неслись ко мне по заснеженной улице. И явно не для того, чтобы пожелать мне доброй ночи.

А что особенно обидно: эта вторая дюжина отрезала мне путь к отступлению.

Времени на раздумья не было. Да оно и не понадобилось. Мой Волк махнул через очередной забор. Я за ним, потом галопом по сугробам через чей-то огород, снова через забор и в узенькую щель между двумя бревенчатыми стенами. Оп! Выскочив из щели, я оказался на той самой площади, с которой только что сбежал.

Причем как-то сразу – в гуще врагов.

Сюрприз для меня. И такой же – для них. Страх – ноль. Чего бояться, если мой Волк со мной. Вдоводел рисует красивые кривые, три тела валяются на снег – и

путь свободен.

Я вижу стену и моих людей наверху.

А еще – с десяток свеев, прикрывшихся щитами у ворот. И еще одну группу – с копьями наготове. Последние – под прикрытием какого-то сарая, так что со стены их не разглядеть. Зато свеям отлично виден я. И можно не сомневаться: их копья полетят, как только дистанция обеспечит гарантированное поражение цели. То есть меня. И сманеврировать уже не удастся, потому что улочка узкая и ни одной подходящей щелки.

Надежда только на скорость.

Я бросил меч в ножны и помчался так, как никогда раньше не бегал. Я не бежал – летел длинными прыжками.

И точно так же летел над заснеженной улочкой кирьяльского селения мой Волк.

Те, что у ворот, тоже меня увидели и устремились наперерез. Не так быстро, как я, но им и не надо. Чтобы отрезать меня от стены, им надо пробежать шагов двадцать, не больше.

А копья уже летели. Два – слишком рано, еще одно – слишком поздно, но остальные – в самый раз. Шесть копий, и уклониться от всех было невозможно. Одно-два я мог бы сбить щитом, если бы он у меня был. Но я шел на разведку, а не сражаться, поэтому щита у меня не было. Да он бы и не спас. С пяти метров среднестатистический викинг попадает копьем в бегущую лису. А я, даже сейчас, точно не быстрее. Зато гораздо крупнее.

Но как раз это и помогло мне выжить.

Потому что я превратился в лису.

Фигурально выражаясь.

То есть нырнул ничком на утоптаный почти до состояния льда снег и заскользил по нему на брюхе. Викинги же целили не в лису, а в человека, и

потому все копья прошли надо мной. Даже седьмое, запоздавшее.

И я, человек-лиса по прозвищу Белый Волк, выкатился буквально под ноги тем, кто отрезал мне дорогу к стене.

Стояли они грамотно. Одна половина прикрывала щитами вторую половину.

А те, кого прикрывали, встретили меня во всеоружии. Но самую малость запоздали.

Психология.

Увидели, как я упал, и решили, что со мной – всё.

А вот и нет. Я прыгнул по-звериному. Как недавно прыгал через забор. Метнулся вперед и вверх, оказавшись между двух копий, толкнулся от них руками, будто от брусьев, и бросил свою тушку на щиты над головами свеев.

Скандинавы – сильные ребята. Удержали и копья и щиты. Рефлекс сработал.

Ну а я, оттолкнувшись, прыгнул с их щитов на стену. Как кошка.

Правда, у меня ни за что не получилось бы зацепиться за обледеневшие бревна. Но и не потребовалось. Стюрмир с Тьёдаром, свесившись вниз, на лету ухватили меня за руки и вздернули на забороло.

А Бури прикрыл, подстрелив свея, вознамерившегося швырнуть в меня топор.

– Я знал, ярл, что ты вывернешься, – радостно заявил Витмид.

Но, по-моему, ему было немного стыдно, что они с Тьёдаром меня бросили.

Хотя не представляю, чем они могли бы мне помочь против нескольких десятков врагов.

А потом мы дали деру. И на этот раз свеи за нами погнались, но гнались недолго.

Пока Бури не подстрелил самого прыткого.

И тогда они отстали.

На время.

Глава 13,

в которой Ульф переоценил собственные силы

Светлое солнышко взошло и даже успело перевалить через зенит, когда весь свейский отряд, пусть изрядно поредевший, но по-прежнему внушительный, явился к нашему острову.

Нет, не штурмовать. Ратоборствовать. Вернее, единоборствовать.

То есть для разминки они поорали некоторое время на тему «выходи на честный бой, чтоб расстаться с головой», но исключительно для разогрева связок. Численность нашу они во время штурма наверняка прикинули, а интеллект оценили еще по дороге сюда, так что вряд ли рассчитывали, что мы выйдем всем нашим невеликим составом на лед, чтобы биться стенка на стенку.

Ответить на риторическое предложение взялся Гуннар. Он встал на стену и в художественной форме изложил, как именно он намерен пользоваться свейских неудачников и куда именно они должны его целовать в знак благодарности. И в качестве иллюстрации к сказанному продемонстрировал слушателям морозоустойчивую норегскую задницу.

Слушатели речь оценили и в свою очередь разразились воплями и угрозами. Оставаясь, впрочем, на приличной дистанции, что существенно снижало силу акустического удара.

Отыграв положенную увертюру, свеи перешли к первой части сегодняшней развлекательной программы: сделали нам ну очень заманчивое предложение: их боец против нашего бойца. Суть его: кто победит – тому и тапки.

То есть контроль над крепостью и всё, что к этому прилагается.

«А вот это уже любопытно», – подумал я.

Нет, не передача крепости победителю, а хольмганг как таковой. Потому что мне видится в нем отличная перспектива: прекрасная возможность отправить свеев по правильному маршруту. То есть отсюда и подальше.

А потому следующий этап переговоров я возьму на себя.

И никаких «боец против бойца». Будем решать вопрос радикально. Только лидеры, только хардкор.

– Я – Ульф Хвити, ярл этой земли! – проорал я, забравшись на стену. – Я владею этой землей по железному праву, и я всегда плачу железную цену! А ты, Сигстейн-ярл, осмелишься ли выйти и встать против меня или, как обычно, спрячешься за спинами настоящих воинов?

Это называется «сделать предложение, от которого нельзя отказаться».

Учитывая уровень авторитета Сигстейна после всех тех трепок, которые мы ему задали, выйти ему придется.

Или у его хирда появится новый ярл. Из «настоящих воинов».

– Я, Сигстейн-ярл, принимаю твой вызов!

Сработало. Как и ожидалось.

Ворота мы открывать не стали: я воспользовался веревкой.

Со мной спустились Стюрмир с Оспаком.

Не столько для защиты, сколько для солидности.

Настоящее мое прикрытие осталось на стене. Бури, Вихорёк, Заря и Тулб Огонек. Хотя, думаю, хватило бы и одного Бури.

С ярлом Сигстейном на место будущего хольмганга выдвинулись аж четверо.

Серьезные вояки. Я бы не отказался видеть таких на своей стороне.

Сигстейн-ярл тоже выглядел внушительно. А мне почему-то казалось, что он должен быть юнцом. Этаким представителем «золотой молодежи». Ну а кто еще отправится в боевой поход с персональным шатром? Только сопляк с недетскими понтами. С таким бы я разобрался в считанные секунды.

Но не с этим.

В Сигстейне-ярле с первого взгляда чувствовался настоящий герой. В его изучающем прищуре, в медвежьей грации... Ну да, той самой, которая превращает косолапого в самого опасного хищника животного мира.

Копье, щит, меч. Ах да! Еще секирка за поясом. Ну и бронька очень приличного вида.

А шлем – открытый. Что в сочетании с физиономией без единого шрама внушает уважение.

И всё же я надеялся управиться с ним без «открывания врат». Не то чтобы мои особые возможности представляли собой великую тайну, но зачем светить их лишний раз? Да еще перед публикой, которая после поединка заберет эту информацию с собой.

Конунг свеев – не тот человек, которого можно запугать всякими берсеркскими навыками. А об этом бое ему наверняка расскажут, причем с подробностями. Вот и не будем светить козырями. Их у меня итак дефицит.

Я копья не взял. Копьеметатель из меня – так себе. А вот второй меч на пояс повесил. Будет, что взять в руку, если щит развалится.

Условий окончания поединка не оговаривали. Равно как и правил замены поврежденного «оборудования».

Копье мой оппонент метнул с разбега. С приличной еще дистанции. Вероятно, ожидал, что я перехвачу и отправлю обратно. А он, в свою очередь, поймает и пошлет в мою тушку уже с по-настоящему опасной дистанции.

Но я поломал хитрый план, попросту уклонившись.

А потом мы сошлись.

На мою пробную атаку свей отреагировал как-то чересчур заполошенно.

Я удивился. Атаковал еще раз, понаглее.

Опять та же реакция. Он что, меня боится?

Как-то не укладывалось подобное в голове. Он же викинг. Вдобавок ярл. Этот сорт людей чувством страха не оснащен. Вместо него у таких жажда славы установлена.

Мою третью атаку ярл ловко принял на щит. Но опять не контратаковал.

Нет, он не боится. Ждет. Интересно чего?

Тут уж я насторожился.

И решил форсировать процесс: провел довольно красивую связку, которая должна была закончиться ранением правой руки противника.

Однако противник ранить себя не дал. Умело развалил комбинацию в самом начале...

И опять не контратаковал.

Я остановился.

Что за дела?

Нет, вокруг вроде ничего подозрительного. Спутники ярла в процесс вмешиваться не собираются. Остальные свеи – далеко.

В чем подвох?

Ну, выбора у меня особого нет. Буду зондировать оборону ярла и думать. Вернее, анализировать.

Выпад с подшагом.

Реакция Сигстейна – слишком быстрый уход. С запасом.

Еще разок. И опять ярл отреагировал с упреждением. То есть четко и эффективно. Но – неоптимально. Как будто мой клинок – на полметра длиннее. Или выпад быстрее.

О! Наконец-то сам ярл решил перейти к делу. Стремительная атака – и еще более стремительный отход, когда я сделал встречный «жест».

Не понимаю. Боец его уровня уже давно должен был меня оценить и перестать осторожничать. Я, конечно, классный фехтовальщик, но без Волка мой уровень вполне сравним с уровнем Сигстейна. Чего он опасается?

Моя атака – и он опять разорвал дистанцию.

– Не запыхался бегать? – поинтересовался я.

– А ты не устал меня дразнить? – рыкнул Сигстейн в ответ.

Дразнить?

Не понял. Но ладно. Я тоже умею бегать.

Еще одна атака – и на этот раз я не остановился. Действовал по максимуму. Ну, с учетом того, что на серьезный риск не шел. Сдерживало непонимание ситуации.

Сигстейн отбивался вполне уверенно. Пару раз очень эффектно сработал щитом. Но не допускал ни малейшего риска. Уходил, уклонялся. А ведь мог бы врезать в ответ. Я выделил по крайней мере три момента, которые своей должен был бы развить. А он ограничивался обороной. Ну, в основном обороной. Хитрит? Ожидает, пока я раскроюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Одно из прозвищ Одина.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-mazin/my-platim-zhelezom>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)